

У Ворона две жизни

Автор:

Елена Кондрацкая

У Ворона две жизни

Елена Кондрацкая

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика Дивные берега #1

Василиса мечтала защищать людей от темных сил. Быть Вороном и сражаться в Вольской Гвардии. Ради этого она сбежала из дома и попала в ученицы к сильнейшему чародею.

Но наставник мертв, по всей стране пропадают люди, а нечисть сходит с ума. Стать Вороном и отомстить за гибель учителя – Василиса готова ступить на этот путь. Но куда приведет дорога, проложенная самой Смертью?

Елена Кондрацкая

У Ворона две жизни

© Кондрацкая Е., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

1. Пусть пляшут костры до самой зари

У Василисы был только один шанс. Нанести удар быстро и не выдать себя. С нечистью нельзя иначе. Либо ты их, либо они тебя.

Колосья пшеницы забеспокоились, пропуская меж стеблей тусклый зелёный отсвет. Неподалёку от места, где пряталась Василиса. Зелёный огонёк мигнул и поплыл точно в сторону чародейки. Вслед за ним, будто по команде, начали зажигаться другие огоньки. Всё больше и больше. Вот уже их тревожное сияние охватило всё поле. Василиса приготовилась. На кончиках пальцев заплясали искры, но она сжала кулаки, и искры потухли. Не выдавать себя.

Василиса задержала дыхание.

Огонёк подплыл ближе и замер. Василиса услышала приглушённое рычание и сдавленный писк полёвки.

Пора! Чародейка выбросила вперёд руку.

– Замри! – парализующее заклинание сорвалось с пальцев и попало точно в цель.

Зелёный огонёк дёрнулся и потух. Остальные огоньки заметались по полю и тоже принялись гаснуть один за другим.

Василиса улыбнулась, поднимаясь на ноги.

– Бегите-бегите!

Она подошла к своей добыче. Парализованный анчутка[1 - Анчутка – маленький вредный бес размером с котёнка. Обитают анчутки на болотах и в лесных чащах. Питаются бесенята падалью и мелкой живностью, редко сбиваются в стаи. Людей анчутки избегают, но речь людскую понимают и любят при случае сквернословить. Отличаются особой трусостью и скудоумием. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства. (Здесь и далее

прим. автора.)] лежал на земле рядом с растерзанной мышью. Жирненький, с два кулака. Зелёная шерсть была заляпана кровью и грязью, маленькие чёрные глазки смотрели злобно, острые ушки прижались к лысой серой голове, а огромный зубастый рот перекосило в оскале.

– Вы чего поля разорять повадились? – строго спросила Василиса. – Думаете, раз у нас полевица своего нет, так можно баловаться?

Анчутка задёргал когтистыми лапками, похожими на крысиные, – заклинание начало ослабевать.

– Порву тебя на куски, ведьма поганая! Это мы Хозяина поля разорвали и сожрали! И тебя разорвём и сожрём!

Василиса вздохнула и присела на корточки рядом с анчуткой.

– Правда, что ли? Вы полевица нашего сожрали? Сидели бы в лесу себе дальше, зачем пшеницу пришли портить?

– Сдохни-сдохни-сдохни! – орал анчутка, трясясь от ярости. – Я всех вас убью!

– Нет, дружок. Ты вернёшься в лес. – Василиса взяла анчутку за шкуру и подняла на уровень глаз. Бесёнок поджал лапки, будто котёнок. – И пока к нам новый полевик не пришёл, убивать тут буду я. И преимущественно вас, если снова вернётесь. Ясно?

Говорить она старалась грозно, глядя бесёнку в чёрные, широко распахнутые глазёнки. Анчутки хоть были твари наглые и крикливые, но до жути впечатлительные и трусливые.

– Ещё раз вас тут увижу, сожгу к чубасье[2 - Чубась – домовый дух-вредитель. Эти маленькие существа, похожие на крыс, селятся в домах, которые покинули духи-защитники. Обитают в погребе и по ночам устраивают мелкие пакости: бьют посуду, прогрызают мешки с зерном, тушат огонь в очаге, кусают за пятки спящих. Страшно боятся котов и солнечного света. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.] матери. – Василиса зажгла на кончиках пальцев пламя и поднесла его к зелёной сморщенной, как у летучей

мыши, мордочке. Бесёнок завизжал. – Всё ясно?

– Ясно-ясно, гадюка уродская! Всё ясно! Пусти, больная!

– Вот и славненько, – улыбнулась Василиса и бросила анчутку на землю. – Беги.

Заклинание спало, и бесёнок тут же дал дёру. Василиса отряхнула руки. Некоторое время нечисти в полях можно не опасаться.

Утро выдалось ясное, на редкость прохладное, но обещающее привести за собой жаркий солнечный день. Пташки приветствовали солнце дивными переливами тоненьких голосков. В траве шуршали мыши, вдалеке мычали коровы и глухо лаяли псы пастухов.

Василиса лежала на стоге свежего, ещё влажного сена и наблюдала за облаками. Потянулась, наслаждаясь приятным напряжением в мышцах, и закрыла глаза. В животе урчало от голода, но Василиса не спешила покидать своё убежище. Она размышляла о ночной охоте. Неужели и правда анчутки прикончили полевика? Хозяина поля она видела всего пару раз. Дух – маленький лохматый старичок размером с кошку – уже сорок лет следил за посевами и урожаями, отгонял крыс и других вредителей, но не любил показываться людям. А потом просто исчез. Зато нагрянули полчища анчуток. Эти бесенята редко покидали леса и болота. Что вдруг заставило их уйти из насиженных мест и покуситься на полевика и посевы, оставалось неясным.

«Возможно, получится найти ответ в одной из книг Беремира, – подумала Василиса, зевнув. – Но сначала вздремну».

Вилы просвистели и жадно вгрызлись в сено в опасной близости от головы Василисы. Только вот в сено ли? Чародейка была уверена, что целилось это универсальное оружие против всех видов нечисти напрямиком в её левый глаз, а то и сразу в оба.

С диким утробным воплем Василиса выпала из стога. Страх тут же сменился злостью и желанием покарать несостоявшегося убийцу.

- Ты куда вилкой своей тычешь, душегуб?!

«Душегубом» оказался Миколка - огромный бородатый мужик суровой наружности, но, впрочем, весьма доброго нрава. Поговаривали, что к пиву он пристрастился ещё с младенчества, отчего не вышел умом, но вымахал до богатырских размеров.

Миколка отступил, прижимая драгоценные вилы к груди. Мутные глазки испуганно глядели на Василису.

- Василиса? Васька, ты, что ли? - выдавил он.

- Ты меня убить вздумал? - проворчала чародейка, отряхиваясь от приставшего сена и вытаскивая колкие травинки из тёмных кос.

Миколка виновато топтался на месте и неловко улыбался.

- Да я ж это... Не знал, - пожал плечами он, почёсывая жёсткую каштановую бороду. - А ты чегой-то по стогам спозаранку ховаешься?

- Тебя жду! Чтобы в жабу превратить, а то в пруду запевалы не хватает.

Миколка почесал волосатой лапищей в затылке, видимо, сосредоточенно обдумывая предложение получения важной роли в местном водоёме.

- Не надо меня в жабу, - в итоге серьёзно изрёк он.

- Ладно, уговорил, не буду, - отмахнулась Василиса.

На окраине поля появился большой сивый пёс, издалика походивший на упитанного волка. Василиса вздохнула - конвой прибыл.

Не удосужившись попрощаться с Миколкой, чародейка поплелась навстречу псу.

- Васька! - крикнул Миколка вдогонку. - Сегодня ж гуляния начинаются у девок. Ты придёшь?

– Если дел поважнее не будет! – ответила Василиса и хмуро обратилась к псу: – Ну, Вой, чего пришёл?

Вой взвёл на неё карие глаза, смотрящие с откровенной укоризной, нравоучительно промолчал и отправился вниз по дороге.

– Ну да, я опять сбежала! В конце концов, имею я право на личную жизнь?

Василиса шла следом и пыталась придать себе как можно более виноватый вид. Пёс снова не удостоил её ответом, только слабо вильнул опущенным хвостом.

Деревенька Лютоборы, расположенная в Тригорской долине, что на самом краю Дарнецкого княжества, уже давно проснулась. Стоял конец лета – время сбора урожая, так что народ трудился на полях и в огородах. Детишки гоняли по улицам кур и гусей, а порой куры и гуси мчались за обнаглевшими мальцами. Деревянные домики смотрели на улицы разноцветными наличниками из-за низеньких плетней. А каждое утро ветер приносил в Лютоборы свежий воздух с рек, запахи трав с соседнего поля или просто гонял меж домов дорожную пыль.

Деревня, окружённая тремя горами – отсюда и название долины, в которой она расположилась, – уместилась в устье двух рек, посреди огромного дремучего леса. Василиса ещё не забыла, как семь лет назад впервые приехала в долину. Тринадцатилетняя девчонка, сбежавшая из дома в поисках лучшей жизни. Она долго плутала по окрестным лесам, пока не встретила добродушную тригорскую знахарку. Та вызвалась проводить чародейку до деревни, по дороге заболтав до такой степени, что Василисе захотелось снова затеряться в чаще.

Под конвоем пса чародейка дошла до потемневшего от времени домика на самой окраине деревни. Маленький сруб с соломенной крышей заметно косил, обещая в один прекрасный день завалиться на правый бок. Левое крыло крыши зеленело сорняками, а по осени на нём даже росли грибы-дождевики. По одному взгляду на избушку становилось понятно: домовой отлынивает от дел.

Вой лёг у крыльца и устало положил голову на лапы. Василиса легонько потрепала пса по голове и проскользнула в дом.

Внутри было тихо. Беремир дремал в кресле у печи. Очки в костяной оправе сползли набок и грозили свалиться на пол.

«И этот спит!» – подумала Василиса и хитро улыбнулась.

Намереваясь хорошенько пошуметь, она направила взгляд на чугунные горшки, аккуратно расставленные на полке, и тут её заметил домовый Тирг – чёрный вредный кот с порванным ухом и плешивым боком.

– Яви-и-илась! – возопил Тирг, вскакивая на задних лапах.

Наставник подпрыгнул в кресле, разбуженный кошачьим воплем. А Василиса запустила в домового раскалёнными добела искрами. Стена позади него тут же покрылась копотью, а Тирг поспешил спрятаться за печкой. Запах палёной шерсти подсказывал, что хвост коту уберечь не удалось.

– Василиса-Василиса, – укоризненно покачал головой Беремир, плохо скрывая улыбку. – Достойные чародейки не гоняют домовых и уж тем более не портят стены в домах своих учителей.

Василиса опустила глаза и начала шаркать ножкой, всем своим видом показывая, как ей ужасно, ну просто смертельно стыдно. Впрочем, заметно переигрывая. Наставник тяжело вздохнул. А Василиса исподлобья покосилась на него: вроде бы не сердится. Наверное, опять думал о том, какая нерадивая ему досталась ученица.

– Ну и где ты всю ночь пропадала? – поинтересовался Беремир.

Василиса знала, что Вой давно сдал её со всеми потрохами. Наставник любил посмотреть на мир глазами своего верного пса.

«Гадкий пёс, ни одной кости у меня больше не получит», – зло подумала Василиса и не моргнув глазом доложила:

– На сеновале.

Наставник поднял на чародейку живые голубые глаза и сложил руки домиком. Точно так же – со смесью любопытства и недовольства – он смотрел на Василису в день, когда она внезапно объявилась у него на пороге и потребовала взять себя в ученицы.

– И чем, позволь поинтересоваться, ты там занималась?

– Анчуток ловила, – честно ответила Василиса. – Миколка жаловался, что они у него пшеницу портят. Они ещё и полевика...

– А меня предупредить? – развёл руками Беремир. – Ну, вот что мне с тобой делать? Нормальные девицы в её возрасте по ночам на сеновал целоваться бегают, а она то несчастных бесов гоняет, то по лесу шастает вурдалаков выслеживает, то бедных русалок из пруда на дубы перетаскивает. Семь лет уже прошло, а ума не прибавилось.

Василиса печально вздохнула: что ж поделаешь – не прибавилось...

Из-за печки выглянула хитрая морда домового.

– И меня, хозяин, ни за что ни про что обижает, – взвыл он и тут же юркнул обратно, атакованный очередным снопом искр.

Наставник обратил на ученицу долгий тяжёлый взгляд внезапно потускневших глаз. Василисе стало не по себе. Так порой смотрел старый Вой, а домовой вздыхал и без особых сожалений говорил, что недолго псу осталось. Но не успела Василиса толком испугаться этого взгляда, как Беремир улыбнулся, поднялся с кресла и подошёл к книжному шкафу. Василиса настороженно следила за наставником, ожидая обычного наказания, которое следовало за подобными ночными прогулками.

– Наказание, – пробормотал Беремир. Взял с полки книгу, начал медленно перелистывать страницы. – Пожалуй, в наказание мы сегодня займёмся бегом и фехтованием...

Василиса молчала. Не так всё плохо. Во всяком случае, интереснее приготовления зелий или помощи местным, которым обычно требовалось выгнать крыс и тараканов или вылечить похмелье.

– А потом, – Беремир сделал интригующую паузу, – ты отправишься на гуляния в честь начала Осенних Уз.

- Не-ет, - протянула Василиса. - Что мне там делать?

- Будешь помогать Милене и следить за порядком на площади. Через пятнадцать минут жду тебя на заднем дворе, - на этих словах Беремир сунул книгу под мышку и вышел из избы.

- Держи удар! - Беремир сделал два выпада двуручным мечом.

Василиса охнула, едва успевая отбить первый и увернуться от второго. Мечник из чародейки был, прямо скажем, так себе. Она не любила ближний бой, предпочитая холодному оружию боевые заклинания, но Беремир не уставал настаивать на том, что хороший Ворон должен владеть обычным оружием не хуже магического.

- Не расслабляйся! Что будешь делать, когда в бою опустеет резерв? Сдашься на милость врагу? - крикнул Беремир, продолжая наступать.

Василиса поморщилась. Начинается: «Сила чародеев не бесконечна... ля-ля-тополя...»

- Сила чародеев не бесконечна! Только глупец будет рассчитывать исключительно на заклинания. - За каждым словом Беремира следовал мощный удар. Василиса едва успевала отбиваться. - Будь умнее! И проучи такого глупца!

- Разве не для этого в пару чародею дают воина? Железками махать... - проворчала себе под нос Василиса, но наставник её услышал.

- Воин - твой партнёр, а не опора. Учись полагаться на себя!

Учитель не давал Василисе возможности перейти в наступление, вынуждая защищаться. Несколько раз он даже сумел достать её - задел правое предплечье и хорошо приложил по бедру. Будь мечи наточены, Василиса сначала лишилась бы руки, а потом истекла кровью, попрощавшись уже с ногой. Сейчас же ей грозили пара синяков и горечь обиды. Василиса стиснула зубы: надо что-то делать, иначе она скоро окажется на земле.

Вариантов было немного. Можно продолжать уворачиваться и надеяться, что наставник выдохнется, чтобы получить возможность нанести хотя бы один удар. Задача не из лёгких. Пусть Беремир и выглядел как старик, силе и выносливости его могли позавидовать многие воины. А уж невыспавшейся Василисе, которую учитель перед уроком фехтования успел погонять трусцой вокруг огорода, надеяться было и вовсе не на что. Пот заливал глаза, дыхание уже давно стало прерывистым, руки дрожали от усталости.

Но ещё можно было схитрить.

– Никаких чар, Василиса! – прорычал Беремир, безошибочно предугадывая намерения ученицы. – Превращу в козу на неделю!

– Так нечестно! – рявкнула Василиса и из последних сил ринулась в наступление. – У вас преимущество!

– Я порадуюсь, если в жизни тебе будут попадаться только честные противники, – засмеялся Беремир, легко отражая слабые удары чародейки, – которые не заденут твоё самолюбие!

– А-а! – закричала Василиса и кинулась в лобовую. Скорее от безысходности и усталости, чем надеясь пробить защиту Беремира.

Разумеется, удар не прошёл. Чародейка напоролась на меч, а в следующий миг грубая подножка уложила её на лопатки. Земля ударила в спину, вышибая воздух из лёгких, меч отлетел в сторону, и Василиса со стоном потянулась к ушибленному затылку.

– Не смей так легко сдаваться! – Беремир, который обычно со смехом встречал неудачи ученицы, сейчас говорил зло и грубо.

Василиса удивлённо смотрела на него с земли, не спеша подниматься.

– Но я устала, – протянула она обиженно.

– Лентяйка! Если хочешь попасть в Гвардию и стать Вороном, то у тебя нет права на усталость! – Беремир швырнул меч на землю. – Ты приехала сюда учиться

чародейству, а не дешёвым фокусам!

Василиса ошалело смотрела на наставника. Она ещё ни разу не видела его таким. За все годы учёбы он никогда не повышал на неё голоса. Отпускал саркастичные шуточки, превращал в жабу, козу и хомяка, называл неучью и бездарем, но ни разу не кричал.

Увидев замешательство на лице Василисы, Беремир вздохнул.

– Вольская Гвардия – это не развлечение. Это лучшие чародеи и воины Царства. И место среди них нужно заслужить. Иди в баню, помойся и поспи пару часов. И не смей сбегать с гуляний, пока Милена тебя не отпустит.

Когда Василиса проснулась, солнце уже пряталось за горизонт, выпятив на прощание упитанный красный бок. За окном стрекотали кузнечики. Снизу слышалось потрескивание дров в печи и ворчание Тирга.

Вечно недовольный домовой мог достать кого угодно. За домом он следил в самую последнюю очередь, предпочитая летом валяться на солнышке, а зимой проводить весь день на печи. Любил украдкой слизывать сливки из крынки и воровать колбасу из погреба. В общем, занимался Тирг всем тем, чем занимаются обычные коты, только что вдобавок бубнил, как ворчливый дед, и мышей не ловил, утверждая, что его нежная душа не способна на убийство. Готовил Тирг хорошо, но редко, чаще перекладывая эту обязанность на Василису или Беремира. Наставник не спешил ставить домового на место, отчего-то спуская ему с лап любые шалости и дерзости.

Спрыгнув с постели, Василиса оглядела комнату в поисках обуви. На самом деле это был просто чердак, который Беремир ей выделил за неимением лучшего в их маленькой избушке, где было всего две комнаты: просторная горница с печью и кабинет Беремира – с кроватью и письменным столом. Но и таким условиям Василиса была рада. Она согласилась бы жить хоть с Воем в конуре за право обучаться у одного из сильнейших боевых чародеев во всём Вольском Царстве. Пусть и у отошедшего от дел.

Беремир много лет служил в Гвардии и входил в четвёрку лучших гвардейцев. Их называли Всадниками. Сильнейшие чародеи, убившие столько нечисти и

спасшие столько человеческих жизней, что не сосчитать. Их имена знал каждый в Вольском Царстве: Беремир, Белавя, Аргорад и Мира. О них слагали песни и легенды.

Всадники возглавили Гвардию, когда им не было и двадцати. Беремир встал во главе Воронов – охотников на нечисть. Мира возглавила Соколов – элиту Гвардии, которая боролась с чернокнижниками[З - Чернокнижник – чародей или ведьмак, отринувший учение и поклоняющийся Чернобогу. Чернокнижники практикуют тёмные, запрещённые законом чары и умеют подчинять нечисть своей воле. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.]. Белавя руководила целителями – Журавлями. А Аргорад встал у руля всей Гвардии.

Василиса мечтала стать Вороном сколько себя помнила. Нянька Дуня рассказывала ей истории про подвиги гвардейцев, про Великую Войну и страшные Тени. Маленькая Василиса забиралась под тяжёлое пуховое одеяло, а Дуня закатывала рукава вышиванки, обнажая белые полные руки, распускала косу – уже совершенно седую в её двадцать лет – и забиралась следом. Свет свечи падал на её круглое лицо в россыпи веснушек. Василиса прижималась к её тёплому мягкому животу и закрывала глаза, готовая слушать новую историю. Говорила Дуня шёпотом, чтобы не разбудить мать, которая спала в соседней комнате.

– Говорят, у Ворона две жизни. Первая даётся ему с рождением, а вторая – на службе у Морены. Эти птицы могут сослужить добрую службу тем, кто знает, как попросить, или тем, кто нуждается в помощи. Именно такую птицу однажды встретил одинокий юноша – Ворон, служащий в Гвардии.

– Но ведь все Вороны работают в парах, – зашептала Василиса. – Чародей и воин. А этот один? Так не бывает!

– Это был могучий воин, и у него никогда не было напарника. Его боялись и сторонились, потому что он отличался от других. Никто не знал ни его имени, ни прошлого, он пришёл из-за снежных пустынь, нелюдимый и холодный. Его глаза – отблески синих морей Севера – смотрели на мир непроглядной тьмой глубин. Но был в его сердце росток любви, а в руках – острый меч, что побудили его встать на защиту людей от нечисти.

Однажды гнался этот гвардеец за страшным чудищем, решившим уничтожить наш мир ради собственной прихоти. Погубило то чудище столько жизней, что не пересчитать, и никто не мог его ни найти, ни победить. Длилось это так долго, что сама богиня смерти Морена устала от его злодеяний и отправила к гвардейцу своего ворона – указать верный след. И строго-настрога запретила помогать чем-то ещё.

Много недель гнались гвардеец и ворон за чудищем, вступали в сражения с нечистью, помогали страждущим, делили пищу и кров. И так они сроднились и сблизились в этом путешествии, что уже не представляли жизни друг без друга. И вот схлестнулся гвардеец в битве с чудищем. И бились они три дня и три ночи, пока оба не изнемогли от усталости. На исходе третьей ночи отрубил гвардеец голову чудищу своим острым мечом, но и сам пострадал от его острых зубов и упал замертво.

Опечалился тогда ворон и вопреки наказу Морены полетел в её царство к источнику живой воды. И принёс он капли её на своих крыльях, и напоил ими мёртвого друга. И ожил гвардеец, и обнял любимую птицу, которая теперь служила только ему. И с тех пор никто из них не был одинок.

– А Морена? – зашептала Василиса.

– Сперва Морена хотела наказать ворона за своеволие, но, признаться честно, они смогли ненадолго развеять её скуку. А богам порой бывает до смерти скучно в своих чертогах. И Морена сжалась над гвардейцем и своей птицей и позволила ворону остаться при нём. Вот и сказке конец, а теперь давай засыпай скорей.

И Василиса закрывала глаза и воображала, как сражается с нечистью, выигрывает битвы и спасает мир от восстания чернокнижников.

А потом ей выпал шанс стать одной из таких бесстрашных чародеев: Беремир взял её в ученицы. Ради этого она сбежала из дома, пересекла половину Вольского Царства и несколько дней обивала порог дома Беремира, ночевала на крыльце и даже подожгла сарай в попытке продемонстрировать свои умения. Сперва Беремир был непреклонен и гнал её прочь, но Василиса не сдавалась, и однажды он сжался и всё же впустил Василису в дом. Чародейка до сих пор помнила, какая страшная гроза разыгралась в ту ночь.

Характер у наставника был лёгкий: он любил пошутить и посмеяться. Особенно его радовало, когда Василиса оказывалась в выгребной яме или чернела от копоти после очередного неудачного заклинания. Ещё Василиса периодически виртуозно проделывала в крыше дыры, а в попытке улучшить свои умения подпаливала любимый ковёр учителя и его же любимую бороду. Такие проделки веселили Беремира меньше, но даже к ним он умел отнестись с юмором.

Иногда наставник позволял себе выпить и повспоминать былые сражения, старых друзей и врагов, а иногда и бывших любовниц. Впрочем, случалось это довольно редко, а в остальное время на расспросы Василисы о его работе в Гвардии Беремир отвечал неохотно и уклончиво.

Натянув свободные льняные штаны и длинную рубаху с вышитыми на рукавах жар-птицами, Василиса подпоясалась, сложила разбросанные по комнате вещи в сундук под небольшим окошком, создавая видимость порядка, и кинула покрывало на деревянную кровать – на случай, если наставнику, не любившему беспорядок, взбредёт в голову заглянуть в её «покои».

Выйти из избы, минуя общую комнату, было нельзя, а Василиса не хотела попадаться Беремиру на глаза, поэтому вылезла в окно, под которым очень удобно росла крепкая зелёная лоза. Её чародейка собственноручно вырастила несколько лет назад. Тогда она ещё не сбегала по ночам в поля и на болота и была усердной ученицей, крушившей всё вокруг себя только в дневное время и под присмотром.

Задание тогда ей досталось простое: обуздать стихию земли и вырастить огуречную лозу на одной из грядок с помощью заклинания ускоренного роста. Лозу-то начинающая чародейка вырастила – с неё даже сошли три вяленьких огурчика. Но на этом Василиса не успокоилась. Заинтересовавшись милым ростком, который нерешительно взбирался по стене дома, чародейка решила ему помочь. Заклинание сработало неожиданно мощно: в считанные мгновения стебель обвил всю заднюю часть избышки. Да так крепко, что даже Беремир не смог его вывести. Интересно, что потом, как Василиса ни старалась, подобные трюки с растениями у неё не срабатывали.

Василиса вышла на дорогу, ведущую к площади, и продолжила размышлять о переменчивости своих магических возможностей.

Обычно чародей пользуется резервом магической силы, который позволяет колдовать без вреда для себя. Если резерв опустошается, чародей расходует физическую энергию.

На начальных этапах обучения Василиса, ещё не умевшая различать магическую и физическую энергию, исчерпав резерв, принималась вытягивать силу из крови и мышц, отчего едва держалась на ногах и буквально засыпала на ходу после колдовских упражнений. Со временем Беремир научил её чувствовать и разграничивать разные виды энергии. Рассказал, что у каждого чародея объём резерва разный и, как правило, постоянный.

У Василисы же с резервом творились странные чудеса. Иногда она могла колдовать часами, сплетая самые невообразимые заклинания и не зная усталости. Энергия не заканчивалась и била через край, а Василиса чувствовала, что способна сворачивать горы и осушать океаны. Но порой чародейка выдыхалась уже после пары-тройки простеньких заклинаний. Этому ни она сама, ни Беремир не могли найти объяснения.

От размышлений Василису отвлек галдящий народ и громкая музыка – она и не заметила, как дошла до площади. Высокие костры рыжим пляшущим светом разгоняли темноту. Воздух пропах мёдом, дымом и жареным мясом. Музыканты на деревянной, наспех сколоченной сцене мучили гусли, трещотки и барабаны. Жители деревни уже вовсю веселились: плясали, пели песни и плели венки для будущих невест. Дети играли в салки, молоденькие девушки водили хороводы, юноши пили медовуху и украдкой поглядывали на девиц.

Сегодня они разобьются на пары, принесут друг другу клятвы и прыгнут, держась за руки, через костёр, а потом уединятся где-то от чужих глаз, чтобы познавать тела друг друга так долго, как только хватит сил. Согласно преданию, первая из невест, которая подарит этому миру младенца, станет любимицей богов, а ребёнку будет уготована судьба богатыря или богатырши.

На площади появилась пышная знахарка Майя в длинном сарафане. Увидев Василису, она поправила расшитый цветами платок и расплылась в улыбке. Щёки её украшал здоровый румянец, рукава рубахи были подвёрнуты, обнажая розовые локти, полные предплечья и грубоватые ладони. На правом запястье была повязана красная нить с рунным камнем – защита от сглаза.

– Василиса, золотце! Рада, что ты пришла! – воскликнула знахарка, перехватывая поудобнее корзинку с травами и ягодами. Похоже, она собиралась неплохо подзаработать этой ночью. – А ты чего это не веселишься со всеми?

Василиса остановилась и неопределённо пожала плечами.

– Опять старик Беремир замучил? – понимающе хохотнула Майя, демонстрируя ряд крупных крепких зубов. – Ну, ты, детка, сама к нему навязалась. Так что ни на кого, кроме себя, не серчай. Оно-то знаешь как бывает...

Василиса не знала и узнавать особого желания не испытывала. К сожалению, это не имело значения, потому что, если уж Майя ловила кого-то в цепкие сети своих речей, улизнуть из них было непросто. Знахарка была из тех одиноких людей, которым нужен слушатель, а не собеседник, так что говорить она могла без умолку, забыв про все дела. Василиса слушала её вполуха, изредка кивала и поддакивала.

– Так будешь сегодня жениха искать? – спросила Майя, кажется, уже не в первый раз.

– Ну, я...

– Знаю-знаю, не любишь ты все эти праздники, – перебила Майя. – Но ты же девушка молодая, красивая, хоть и с норовом. Глянь на себя – невеста! Коса русая, до самого пояса. А румянец на щеках? Сказка! Высокая, статная, кареглазая. И худобой лишней не страдаешь...

Василиса не сумела сдержаться и закатила глаза. Майя упёрла руки в боки и зацокала языком.

– Ты, девка, нос не вороти! – сказала она, впрочем, всё ещё добродушно. – Деревушка у нас немаленькая, да молодцев ещё щенками разбирают. Упустишь свой шанс – плакать будешь! Ты вон уже, считай, в девках засиделась.

То, что Василиса засиделась в девках, в Лютоборах не забывал напомнить каждый мало-мальски знакомый человек, начиная от Майи и заканчивая старухой Зозо, которой Василиса на прошлой неделе помогала избавиться от

банника. Чародейке уже исполнилось двадцать лет, и местные женщины начинали косо поглядывать на Василису, сочувственно качать головами и даже порой посмеиваться. Сама она не обращала на них внимания, предпочитая заниматься гораздо более важными вещами. В конце концов, в Лютоборы Василиса приехала не жениха искать, а учиться магии.

На сцене появилась Милена – староста деревни. В красном праздничном сарафане, полная и статная. Её круглое лицо украшали массивные височные кольца. Она вскинула к небу руки, призывая собравшихся замолчать. В этом году праздник Осенних Уз совпал с пятидесятой годовщиной окончания Великой Войны, и Милена ожидаемо начала свою торжественную речь именно с этого.

– Сегодня особенный день! – заговорила она. – Последний день лета. Начало Осенних Уз. И день торжества всего человечества. Слушайте все! Стар и млад! Это история нашей победы. Мы повторяем её, чтобы не забывать. История, благодаря которой мы можем сегодня пить мёд и гулять ночь напролёт. Без страха!

Милена замолчала и обвела взглядом толпу. Все слушали молча, даже дети прекратили резвиться и затихли, глядя на старосту во все глаза.

– Пятьдесят лет назад чернокнижники развязали войну. Великую Войну. Они хотели власти, задумали свергнуть царя-батюшку и учинить свои порядки на наших землях. Долго готовили они тот заговор. Долго прятались в пещерах и норах, взывая к Чернобогу, собирались в стаи, будто крысы, изучая древнее тёмное колдовство. И вот пробил страшный час. Обрели они силу могучую и открыли врата Нави!

Музыканты ударили в барабаны, прогремели трещотки. По толпе пробежал взволнованный гул. Милена раскинула руки и возвела взгляд к небесам.

– И вырвалась на свободу нечисть страшная! Чудища мерзкие. Прежде бездумные и кровожадные, они стали оружием в руках чернокнижников. Куда указывал перст чернокнижника, туда и кидались нечистые твари. По их прихоти терзали волколаки наших детей, разоряли аспиды наши земли, опустошали вурдалаки наши деревни.

Снова грянули барабаны. Заплакал ребёнок.

– Царская дружина, придворные чародеи и весь Вольский народ восстал против этой напасти. Но не нечисть и не чернокнижники оказались страшнее всего. По умыслу злему али по незнанию выпустили чернокнижники из Нави жутких существ, прозванных Тенями. Не видали мы прежде таких существ, а оказались они страшнее прочих. Днём и ночью Тени не имели силы. Ни увидеть их было, ни услышать, ни почувствовать. Но в предзакатные часы, когда над землёй сгущались сумерки, обретали Тени страшную мощь. Овладевали они телом человеческим и терзали его до последнего вздоха. А как испустит страдалец дух, брались Тени за следующего несчастного. Не было у них ни друзей, ни врагов. Терзали они и чернокнижников, и чародеев, и простой люд. Им – как и собственной тени – невозможно было нанести вреда. Ни одно заклинание, ни одно оружие их не брало. То была погибель людская.

И когда уж гибель всего живого была неминуема, появился молодой и сильный чародей Белогор Ратный, что принёс Очищающий Свет. Засиял тот свет в руках его подобно тысяче солнц, и исчезли Тени, будто их и не было!

Милена хлопнула в ладоши, заиграли гусли, и толпа разразилась восторженными криками и аплодисментами.

Василисе история казалась неполной. Не хватало в ней ответов. А вот вопросов было хоть отбавляй: «Что это был за свет?», «Как и где Белогор его раздобыл?», «Как вообще узнал о нём?» – всё это осталось тайной, которую легендарный чародей унёс с собой в могилу.

Тени исчезли, восстание чернокнижников подавили, Белогора приняли в Верховный Совет Чародеев. А через год он основал Вольскую Гвардию – восстание показало, что для защиты человечеству не хватает хороших чародеев и целителей.

– Интересно, как всё-таки Белогор сумел избавиться от Теней? – пробормотала Василиса.

– Может, если бы Белогор не исчез, то рассказал бы нам, – пожала плечами стоящая рядом Майя.

– Исчез? – удивилась Василиса. – Он же умер!

– Говорят, что Белогор ушёл в Тёмные Леса с двенадцатью учениками. И не вернулся. – Майя заговорщически прищурилась. – Царь отправил за ними дружину – ничего, как в воду канули. Гиблое место. Не зря люди до сих пор сторонятся Тёмных Лесов. Дальше Белого Камня заходить никто не решается.

– Думаешь, он жив? – спросила Василиса с нескрываемым любопытством. – Если так, то он, должно быть, уже старик!

Майя пожала плечами и поудобнее перехватила корзинку с травами.

– Многие чародеи доживают и до двухсот с лишним лет – правда, большинство из них становятся слабы умом. Вспомни, сколько Беремир баек про Кривого Рэма травил!

Василиса кивнула. Кривой Рэм – любимый персонаж историй Беремира. Двухсотпятидесятилетний чародей, самый старший председатель Совета. Бедняга совсем выжил из ума. Беремир рассказывал, как на одном из праздников урожая Рэм, впав в очередное помрачение рассудка, решил приготовить уху из мавки[4 - Мавка – умертвие, разумная утопленница, отринувшая Поля Нави. Отличается серой кожей и чёрной, стылой кровью. Мавки питаются всем, что сумеют поймать, не брезгуя и человечиною. Обитают в реках и озёрах, но могут жить и среди людей. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.], которая вылезла из озера на звуки музыки и неосторожно попыталась его поцеловать. Несчастную едва успели вытащить из котла.

– Уверена, если Белогор и умер, то не тогда и не в том лесу.

– Ты сама сказала, что Тёмные Леса – опасное место, – возразила Василиса. – Там обитают существа пострашнее нашей милой и родной нежити.

– Может быть. Только неужели тот, кто победил Теней, не нашёл бы способа справиться с существами Леса? К тому же... Белогор не просто так туда пошёл, а с какой-то целью, о которой знали только ученики, – а они сгнули вместе с ним.

Тон Майи заставил Василису насторожиться.

– Ты так говоришь, будто не любишь Белогора, – задумчиво протянула она.

Майя пожала плечами:

– Сложно любить или не любить того, кого никогда не знал. Но вот вопрос. Если он действительно был таким добрым, каким его рисуют песни, то почему не раскрыл тайну борьбы с Тенями? Вдруг миру снова придётся встретиться с этими чудовищами? А этот его поход в Тёмные Леса? Никому не сказал, зачем туда идёт, даже жене...

Василиса не очень уверенно кивнула. Слова Майи звучали убедительно, но чародейка не была готова изменить мнение о человеке, о котором весь мир слагал легенды и песни. Белогор был национальным героем, на него равнялись все чародеи и чародейки.

На площадь выбежал Миколка:

– Пожар! Горим!

Василиса обернулась на крик. Нет! Ей, должно быть, показалось...

– Пожар!!! – ещё громче закричал Миколка, привлекая всеобщее внимание. – Скорее!!! Дом Беремира горит!

Люди засуетились, закричали женщины, а Василису будто молнией ударило. Вскрикнув, она кинулась обратно к дому, расталкивая всех на своём пути.

– Воды! Несите воды! – кричала Майя, а Василиса неслась по дороге, чувствуя, как взвыли от напряжения мышцы ног.

Она не пробежала ещё и половины пути, когда увидела, что на деревьях впереди пляшут рыжие блики, заставляя тени хаотично метаться и искривляться, словно в приступе истерического хохота.

Нет! Ноги ещё быстрее понесли Василису к избушке.

Дом был объят жадным красным пламенем. Горел. Её дом горел. А за ним один за другим вспыхивали другие. Люди бросались к своим жилищам с вёдрами наперевес, и пламя, словно изголодавшийся зверь, глотало селян живьём, едва они успевали приблизиться. Мужчины и женщины кричали, роняли вёдра и падали замертво, а пламя вздымалось всё выше и разгоралось всё ярче. Воздух наполнился жаром и едким запахом горящей плоти. Пламя выло и металось, будто живое. Нет, оно и было живое.

Василиса застыла, глядя на это безумие.

«Колдовской огонь».

Живот скрутило, а колени подогнулись от ужаса. Его не остановить, не потушить. Никому не спастись, никому не выбраться. Оно будет бушевать, убивать и жечь дотла, пока не утолит свой страшный голод, пока не поглотит всё, до чего сумеет дотянуться. В ночное небо взметались тысячи искр, затмевая собой звёзды. Чёрный дым поднимался следом и пеплом возвращался на землю.

Из горящего дома выбежала девочка, совсем малышка. Но не успела отойти от крыльца и на пару шагов, как пламя сделало её своей пищей. Сначала вспыхнули её белокурые волосы, и через мгновение уже вся она исчезла в огне.

– Мила! – женщина бросилась к девочке, но Василиса схватила её за руку:

– Нельзя! Пламя...

– Это моя дочь! – Женщина вырвалась и упала на колени рядом с ребёнком. Голыми руками она попыталась потушить тело дочери, но тут же завопила от боли. Её ладони вспыхнули, стали покрываться пузырями и чернеть. Кожа стекала с костей, будто оплавленный воск.

Женщина вскочила на ноги и бросилась к Василисе:

– Спаси!

Василиса спешно сомкнула дрожащие ладони, сплетая заклинание, но огонь в ответ на чары только плюнул рваными ошмётками ей в лицо и окутал женщину

целиком. Она больше не кричала. Превратилась в бесформенный силуэт, лишь отдалённо напоминая человека. Василиса закричала, попятилась и упала на землю. Ноги дрожали и отказывались слушаться. Она отчаянно хватала ртом воздух, чувствуя на языке горечь пепла, и потерянно оглядывалась по сторонам. Вокруг бегали люди, тщетно пытаясь потушить полыхающие дома.

«Где же Беремир? Почему он не спасает деревню? – Василиса оцепенело посмотрела на пламя, объявшее её дом, в надежде, что вот-вот из него выйдет Беремир. Выйдет, потушит огонь и всех спасёт. Он же сильнейший чародей Вольского Царства. – Неужели он?..»

У Василисы перехватило дыхание, грудь сдавило. Она вскочила на ноги и бросилась к дому. Наспех сплела сферический щит и вошла в горящую избу.

В лицо дохнуло жаром, от дыма защипало глаза. Щит защищал от пламени, но не от едкого дыма.

Огонь был повсюду. Чародейка плевалась и кашляла, проходя всё глубже внутрь дома, звала наставника, но не слышала ответа. И не могла услышать.

Сначала появился запах. Солоновато-железный запах свежей крови, яркий и отчётливый, почти перебивающий вонь горящего дерева. Василиса уставилась на тёмную лужу под ногами, боясь поднять взгляд. В ушах стояли вой пламени и крики. Сердце подкатывало к горлу, а Василиса всё никак не могла заставить себя посмотреть.

«Он не мог...»

Затрещала крыша, угрожая рухнуть и похоронить под собой чародейку. Этот звук заставил Василису прийти в себя и посмотреть.

В кресле у печи полулежал Беремир. Его остекленевшие глаза были широко раскрыты, а горло вспорото от уха до уха. Кровь. Сколько же было крови. На одежде, на кресле, на полу. Даже на белой печи багровел размашистый росчерк. Василиса захлебнулась собственным криком, набрав полные лёгкие дыма, и зашлась болезненным кашлем.

– Вася, – слышался слабенький голосок из-за печки. – Вася, это ты?

– Тирг?! – сипло откликнулась Василиса. Голова кружилась, а кашель не останавливался. Лёгкие сдавливали новые и новые спазмы. – Ты где, Тирг? Надо выбираться...

Василиса осторожно заглянула за печь и каким-то чудом выудила оттуда маленький чёрный комочек. Щит ослаб, и руки обожгло. Тирг вцепился когтями в Василису. Его тельце с каждым мгновением становилось всё более зыбким. Домовой умирал вместе со своим домом. Василиса знала, что не сможет его спасти, что он обречён, но всё равно не отпускала, ощущая под пальцами, как быстро-быстро вздымалась и опускалась его грудка.

– Сейчас. – Она ещё крепче прижала Тирга к груди. – Сейчас... Мы выйдем...

Пламя с жутким воем пожирало крышу. Над головой затрещала балка и с грохотом обрушилась где-то позади, заставив Василису в испуге отшатнуться. Ударившись боком о затерянную в дыму стену, она почувствовала, как пламя лизнуло щеку. Дышать Василиса больше не могла, лёгкие отказывались работать, замирая в груди нестерпимой резкой болью. Кашляя, Василиса огляделась по сторонам в поисках выхода – но уже ничего не видела. Сделав несколько отчаянных шагов наугад, она упала, заходясь кашлем.

– Вот леший, – выдавила чародейка, наверное, самые нелепые последние слова и провалилась во тьму.

2. Тени минувших дней

Он пришёл в этот мир с болью и отчаянием. Он не знал, кто он, не помнил ни имени, ни прошлого. Только где-то глубоко внутри, на границе между сознанием и забвением, теплилось едва различимое, будто бы отдалённо знакомое «я».

Первое, что он услышал, – собственное дыхание. Хриплое, тяжёлое.

Он открыл глаза и осознал себя в комнате. По крайней мере, он подумал, что это была комната. Потолок, красные отблески света, тёмные дрожащие тени. Он будто бы уже бывал здесь когда-то давным-давно.

На его лоб легла чья-то ладонь. Сухая, словно осенний лист.

– Всё хорошо, мой мальчик, – незнакомый голос, должно быть, принадлежал старику. – Всё хорошо. Я здесь.

– К чему всё это? – Другой голос, женский. – Ты же знаешь, что он долго не протянет.

– На этот раз всё иначе!

Ответа не последовало.

А он продолжал лежать безмолвно, потому что, кажется, не знал слов. Не знал или забыл? Он не мог ответить на этот вопрос.

Тени на потолке напоминали ему о туманных сновидениях. Но видел ли он их? И откуда ему вообще известно, что такое сны?

– Ты меня слышишь? – снова этот старый голос. – Узнаёшь?

Он повернул голову – это правда был старик. Высокий, с глазами чернее самых глубоких теней.

– Мальчик мой... – пробормотал старик.

– Я... – сорвалось с его губ. В памяти начали всплывать картины.

Деревянный дом, солнце, лужайка, усеянная жёлтой россыпью одуванчиков, кот, уснувший на заборе. Что это? Сны? Или воспоминания?

А эти чёрные глаза? Он снова заглянул в них. Разве они всегда были такими?

– Ничего, тебе скоро станет лучше. – Руки старика приподняли ему голову, губ коснулась глиняная чаша, в горло хлынуло горькое варево.

Боль немного отступила, видения стали чётче. Просторные сени, валенки в снегу, запах маминых пирогов, жар печи. «Лучезар, обед!» – кричит женщина, и он бежит ей навстречу.

Старик протёр ему лицо влажной тряпкой. Он ещё раз взглянул в тёмные глаза.

– Папа?

«О, Перун, избавь меня от мучений», – молила Василиса. Но её молитвы не достигли ушей богов, лишь отозвались мучительной болью.

– Ты чего, помирать собралась? Просыпайся! – Кто-то с силой дал Василисе пощёчину.

Боль отозвалась резким звоном в ушах. Стало обидно. Она тут при смерти, а её ещё и бьют. Василиса набрала воздуха в грудь, собираясь хорошенько наорать на мерзавца, поднявшего на неё руку, но вместо этого зашлась кашлем. Лёгкие сдавило, горло тоже. Она почувствовала, как её перевернули на бок. Кашлять, а затем и дышать стало легче. Горло саднило, во рту было сухо, как в пустыне. Воздух с хрипом вырывался из лёгких.

Василиса не понимала, что происходит. Она знала, что должна встать и куда-то бежать, – её ждёт важное, очень важное дело. Но какое, вспомнить не удавалось. Она постаралась подняться. Глаза ничего не видели, руки обожгла такая сильная боль, что чародейка закричала, неловко дёрнулась и провалилась в забытьё.

Когда Василиса снова открыла глаза, над ней нависало нечёткое, но узнаваемое лицо Майи.

– Ох, деточка! – Она обхватила Василису за плечи, помогая ей сесть. – Ну, ты нас и напугала!

Василиса с трудом приподнялась и огляделась. Расставленные повсюду скляночки и развешанные по стенам скромно убранной комнаты пучки трав подсказывали, что она находилась в доме знахарки. Горло саднило, а лёгкие, казалось, были покрыты множеством ран. Болели щека и правая рука, на которых Василиса почувствовала тяжесть повязок. Майя поднесла ей кружку с каким-то отваром и заставила выпить. Отвар приятно пах, но оказался горьким на вкус. Василиса закашлялась.

– Это дурман-трава. Сейчас боль уйдёт, – Майя понимающе погладила её по спине и помогла снова лечь.

Василису начала бить дрожь. Сознание всё ещё было затуманено, и она никак не могла понять, что происходит. Чувствовала только боль, страх и жуткую усталость, которая с каждой секундой всё больше и больше наваливалась на неё.

– Тебе повезло, что Миколка рядом оказался, он тебя из огня-то и вынес, – кудахтала Майя, хлопоча вокруг чародейки, обтирая её лицо и руки тряпицей, смоченной чем-то холодным.

Василиса измученно стонала от прикосновений и слушала её слова сквозь подступающий сон, в котором нехотя, но прочно увязала.

– Поспи, детка, поспи, завтра оно полегче будет, – пробормотала Майя. – Засыпай. Утро ещё нескоро.

Прошло два дня, прежде чем Василиса наконец проснулась. Она открыла глаза, чувствуя, как яркий солнечный свет пробуждает в ней страшные воспоминания.

Нет, это был только сон! Василиса вскочила в постели. Майя сидела рядом, её скорбный вид отозвался ноющей болью где-то глубоко в груди. Василиса хотела кричать и плакать, но остатки дурман-травы из отвара Майи ещё бродили в крови, не давая волю боли, которая уже начала разъедать её сердце.

Майя помогла Василисе умыться, одеться и сесть за стол. Чародейка равнодушно отметила, что ожоги на руках почти сошли.

Завтракали молча. Василиса с трудом запихнула в себя треть тарелки пшеничной каши, а Майя – и того меньше. Знахарка то и дело бросала обеспокоенные взгляды на Василису, а та равнодушно ковырялась в еде. У Василисы просто не было сил на эмоции – вообще ни на что. Она знала, что разрыдается позже, когда окончательно примет реальность произошедшего и когда никого не будет рядом.

Майя тяжело вздохнула, поднялась с лавки и исчезла в сенях. Спустя минуту она вернулась с увесистой книгой в руках.

– Вот, – знахарка протянула объёмистый том. – Мы, когда дом потушили, вернее... когда он сам потух... Огонь-то колдовской оказался, его водой не потушить. Книга там была – не тронул её огонь.

Василиса взяла книгу в руки и стёрла с обложки копоть. Ну и на что ей эта книжонка по основам теоретической магии? Было невыносимо противно оттого, что какой-то ворох бумаги уцелел, тогда как всё остальное сгорело дотла. Василиса с раздражением пролистала страницы. Руки задрожали, и Василиса затаила дыхание. В страницах второй половины книги было вырезано углубление, в котором белел конверт, подписанный аккуратным почерком наставника. Письмо? Василиса взяла послание.

Внутри нашёлся лист пергамента.

«Василиса, – писал Беремир, – оставляю тебе моё последнее обращение и первое настоящее задание. С этого момента ты заступаешь на службу в Вольскую Гвардию. Я, пользуясь своими полномочиями, определяю тебя в отряд Воронов. Поезжай в столицу и отыщи Аргорада. Отдай ему мой перстень и это письмо. Знаю, не так ты представляла день, когда станешь Вороном, но так уж сплелись нити предначертанного. Думаю, сейчас ты ужасно злишься на меня. Что ж, имеешь полное право. Да, я знал, что погибну. Но, предупреди я тебя, ты бы никуда не ушла и погибла вместе со мной – ты это понимаешь. Но ты должна была выжить. Не могу сказать больше, прости. Ты воистину моя самая талантливая ученица, пусть и самая хлопотная. Но я знаю, что из тебя выйдет замечательный Ворон, а может, и Сокол. Ну, на худой конец – недурная ведьма.

Завещаю тебе Тирга, он вредный малый, но всегда поможет. Желаю удачи и счастья. Беремир».

Чернила поплыли перед глазами, и Василиса зло вытерла слёзы. Конечно, она злилась! Он был так уверен в своей смерти! Что, если она могла спасти его? Помочь сбежать? Или хотя бы не дать огню поглотить его тело. Он должен был предупредить! Вдвоём они бы справились! Так нет же! Он не только не сказал, но и отослал подальше. Благодетель!

Василиса сжала зубы. В глубине души она понимала, что учитель не мог поступить по-другому, не мог позволить ей рисковать своей жизнью ради него. Внезапно обрела смысл и его грубость во время последней тренировки – он прощался, знал, что больше ничему не успеет её научить. А она разочаровала его. Оказалась слишком слабой, неготовой.

Чародейка всхлипнула. Она не могла по-настоящему злиться на наставника, могла только преисполниться благодарности и скорби.

Василиса заглянула в книжный тайник. Там лежали тяжёлый золотой перстень Беремира с крупным рубином и неприметная деревянная щепка размером с большой палец. Щепка была тёплой на ощупь, будто живой.

«Тирг», – поняла Василиса и не смогла сдержать вздох облегчения. Домовые погибают, когда разрушается их дом, их очаг. Василиса не знала, как Беремиру удалось повернуть такое, но, похоже, он сумел привязать дух Тирга к этому кусочку дерева – единственному, что осталось от дома.

– Майя, я видела, как горят дома...

– Вся улица сгорела. – В глазах Майи стояли слёзы. – Двадцать человек полегло. Даже детки...

Василиса схватилась за голову. Перед глазами снова возникло тело Беремира, ужасная рана на его шее, пол, залитый кровью, и отвратительный, едкий запах... смерти. К горлу подкатила тошнота, и Василиса со всей силы стиснула зубы так, что заныли челюсти и запульсировало в висках.

– Я найду того, кто это сделал, Майя, – выдавила она. – Найду и убью!

– Василиса... – Знахарка покачала головой и заплакала.

Спустя два дня, когда магия окончательно излечила тело, Василиса решила покинуть деревню. У неё не было сил оставаться здесь. Она не могла смотреть на пепелище, оставшееся от домов тех, с кем Василиса жила бок о бок семь лет.

Майя отнеслась к этому решению с пониманием и собрала для Василисы сумку, полную еды, одежды и трав на все случаи жизни.

Там же нашлось место и для книги Беремира с перстнем, а щепку с Тиргом Василиса спрятала в кожаный мешочек с цветами зверобоя, который обыкновенно носила на груди от сглаза.

– Держи, ночами в здешних местах холодно, – Майя накинула на плечи чародейке плотный дорожный плащ. Василиса обняла травницу.

Попрощавшись и поблагодарив за всё, она отправилась на конюшню – одну на всю деревню. Там её ждала Былинка – рыжая бойкая кобылица, на которой семь лет назад Василиса приехала из родительского дома в Тригорье.

Кобыла радостно поприветствовала чародейку, ткнувшись мордой в плечо. Василиса ласково потрепала лошадь между ушей.

– Уезжаешь? – Она услышала знакомый голос конюха Радомира за спиной.

– Да, нечего мне здесь больше оставаться, – ответила Василиса, набрасывая на Былинку сбрую. Лошадь послушно открыла рот, позволяя вставить удила.

Конюх грустно кивнул.

– погоди, сейчас я тебе хоть на дорожку чего-нибудь дам.

Собирали Василису всей деревней: набили седельные сумки едой, тёплыми платками, дорожными картами и оберегами. Так что в путь она отправлялась в полной готовности. Даже старый кузнец, вредный и жадный, расщедрился и подарил Василисе серебряный нож.

Чародейка уже запрыгнула в седло, когда подбежала Майя.

– Держи, – протянула знахарка мешочек, в котором позвякивали монеты. – Куда ж ты без единого сребреника собралась.

Сердечно поблагодарив всех, кто собрался её проводить, Василиса тронула поводья и рысцой двинулась прочь из деревни, изо всех сил стараясь не прослезиться и не оглядываться.

На выезде она остановилась у чёрного пепелища, оставшегося от её дома. В радостных лучах осеннего солнца развалины не производили такого пугающего впечатления и выглядели даже мирно. Среди груды пепла Василиса разглядела зелёный побег огурца, уже стелившийся по обломкам. Похоже, заклинание роста так и не рассеялось.

Василиса вытерла слёзы. Она была рада, что уезжает, и благодарила богов за то, что воспоминания о мёртвом наставнике остались смутные, отравленные едким дымом пожара. Так было гораздо легче. Кинув последний взгляд на дом, который за семь лет стал родным, она пришпорила кобылу и больше не оглядывалась.

До столицы Вольского Царства – Даргорода – предстояло добираться четыре с лишним дня. Тракт пролегал через несколько мелких деревень и два города, в одном из которых располагался крупный порт, подаривший городу незамысловатое название – Порт. Большая же часть пути – сплошь леса да широкие степи. Василиса, никогда прежде не бывавшая в этой стороне Вольского Царства, всерьёз побаивалась заблудиться, отчего при каждом удобном случае спешила свериться с картой, которая, к сожалению, оказалась не слишком точной. Например, на одной из развилок оказалось три дороги, тогда как карта упорно твердила, что их должно быть две.

– Анчутка тебя за ногу, – выругалась Василиса и, поразмыслив с минуту, решила двигаться по средней – общее направление на восток должно было остаться верным.

День выдался жарким, и к обеду выпуклые бока Былинки уже были в мыле. Василиса тоже то и дело вытирала пот с лица и чувствовала, как противные ручейки сбегают по спине между лопаток, а она сама, казалось, намертво прилипла к седлу.

Василиса давно выехала из Тригорского леса в широкую степь, где солнце палило так, что даже дышать было трудно. Чародейка снова развернула карту и вгляделась в обозначения. До ближайшей деревни она могла добраться только завтра ближе к вечеру, а пока тракт будет окружать сплошная степь. Но, если поторопиться, можно попробовать достичь леса до темноты и заночевать на какой-нибудь опушке под покровом деревьев. Василиса извинилась перед Былинкой и решила пропустить обеденный привал. За весь день остановились они лишь однажды, чтобы дать лошади напиться из мелкого ручья.

К вечеру жара спала, и незадолго до заката путница въехала под прохладную сень леса.

Отыскав уютный закуток под раскидистым дубом, Василиса вычистила Былинку, и та с удовольствием принялась щипать сочную влажную траву. Предвкушение спокойного отдыха сменилось страхом, как только зашло солнце. Одно дело представлять себе ночёвку в незнакомом лесу, совсем другое – взаправду оказаться в темноте чащи в полном одиночестве. Каждый шорох заставлял чародейку вздрагивать, озираться по сторонам и напряжённо прислушиваться. То тут, то там ей мерещились тени и чьи-то горящие глаза. Дневной лес всегда был для Василисы другом, ночной – таил в себе неведомые опасности. Но выбирать не приходилось – лес казался ей лучшим местом для отдыха, чем открытое и обдуваемое холодными ветрами поле...

Чародейка развела костёр и, очертив вокруг дерева большой круг, нашептала охранное заклинание, привязанное к огню. Теперь, пока пляшет пламя в центре круга, незваных ночных гостей с плохими намерениями можно не опасаться.

Былинка наелась, тяжело вздохнула и легла, подставив теплу упругий бок. Ночь была холодной, как и все осенние ночи, и Василиса устроилась рядышком с лошадью, плотнее закуталась в плащ и выудила из сумки яблоко. Завидев лакомство, кобылица тут же требовательно подала голос.

– Ну, бери-бери, – Василиса отдала Былинке яблоко и отыскала в сумке вяленое мясо – уже для себя.

Мясо было жёстким и не очень-то вкусным, но Василиса даже не заметила, как съела большую его часть, закусив ломтем ржаного хлеба и опустошив флягу с водой.

Умиротворённое стрекотание сверчков и размеренное дыхание Былинки успокаивали. Глаза начали закрываться. Звуки ночного леса стихали, уходя на второй план и становясь менее пугающими. Василиса мысленно убеждала себя, что в здешних лесах вряд ли можно встретить кого-то опаснее волка, да и магический круг надёжно защищал их с Былинкой от хищников. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

Чародейка извлекла из мешочка на шее щепку, в которой спрятался домовой, и тихонько позвала его. Ответа не последовало. Тогда она попробовала парочку заклинаний по призыву домашних духов, но Тирг так и не появился. На мгновение она даже успела испугаться, что домовой не успел спастись. Но нет, он был жив – об этом говорила лёгкая, едва различимая пульсация в маленьком кусочке дерева. Василиса нахмурилась. Это значит, что дух не хочет выходить... Конечно, они никогда не ладили, но теперь-то у них кроме друг друга никого не осталось. Почему Тирг не хочет общаться с ней?

Осознание того, что она осталась совсем одна, навалилось на Василису невыносимой тяжестью, камнем легло на грудь и комом встало в горле. Ей стоило больших усилий сдержать подступающие слёзы. Нет, только не сейчас, когда она одна в лесу на пути к неизвестности. Сейчас надо быть сильной. Василиса не могла позволить себе слёз.

Глубоко вздохнув, она спрятала щепку обратно в мешочек, устроилась поудобнее на мягком лошадином боку и позволила векам сомкнуться. Оставалось только надеяться, что костёр не погаснет.

Спала чародейка на удивление спокойно. Она ждала кошмаров и видений о пожаре и смерти, но сон был пустой, из тех, которые забываются, стоит только открыть глаза.

Проснулась она от того, что Былинка нервно храпела. Василиса открыла глаза и замерла, затаив дыхание.

Ночь была в самом разгаре, вряд ли она проспала больше трёх-четырёх часов. Костёр плясал так же бойко, как и раньше.

Холодея, Василиса взгляделась в темноту, но ничего не увидела. Лес оставался спокойным и тихим, только где-то в глубине ухала сова. Тем не менее было у Василисы едва уловимое ощущение, что за ней наблюдают. Неприятное, колкое чувство, которое заставляло шевелиться волосы на затылке. Чародейка проверила охранное заклинание и подкинула веток в огонь.

«Успокойся. Всё в порядке, это просто лес», – уговаривала она себя, с облегчением отмечая, что лошадь беспокоиться перестала. Чтобы и самой отвлечься, Василиса достала из сумки кольцо Беремира. Рубин тускло поблёскивал в свете костра.

Учитель никогда его не снимал. Василиса аккуратно надела перстень на большой палец левой руки. Камень на миг полыхнул красным, и кольцо село как влитое. Василиса удивлённо заморгала – оно точно было ей велико секунду назад! Чародейка озадаченно свела брови и поспешила снять кольцо – не хватало ещё его испортить. Убедившись, что кольцо надёжно спрятано в потайном отделении сумки, Василиса повернулась на бок, снова прижалась к тёплой лошади и заснула.

Солнце ласково запустило лучи в лесную чащу, озарив все её уголки красноватым светом. Запахи трав и холод утренней росы бодрили, а звонкие переливы ранних птишек радовали слух. То тут, то там хрустела веточка, шуршала листва, возвещающая о том, что все жители леса уже давно не спят и встречают новый день. Былинка паслась рядом с кустом бузины, неторопливо следуя за хозяйкой, которая пробиралась сквозь деревья на звук журчания ручья.

Среди ветвей блеснула пара водных искорок, и Василиса прибавила шаг. Раздражённо почесала руку: за ночь её здорово искусили комары, которых в лесу водилась тьма-тьмущая, и, судя по количеству укусов, выпили они целую чарку крови.

До ручейка идти оказалось недолго: не больше трёх дюжин шагов от ночлега. Вода была чистойшей, настолько прозрачной, что удавалось разглядеть даже самые мелкие камешки, притаившиеся на дне. Ручеёк весело торопился вниз по склону, ослепительно переливаясь в лучах восходящего солнца, которое клочками прорывалось сквозь зелёную листву.

Набрав флягу воды и позволив Былинке вдоволь напиться, Василиса уже повернула назад к тропе, когда краем глаза заметила цветущий куст сиреневого вереска. Не веря своей удаче, она присела рядом с кустом и, выудив из сапога подаренный кузнецом нож, завела песню, срезая первый стебель с дюжиной мелких сиреневых цветков:

Когда вдали

Под сенью снов

В краю давно забытом

Цвёл вереск,

Цвёл у берегов,

Водой ручья умытый.

Там много лет,

Забывши счёт,

Живёт лесной народ.

Из чаши в чашу всё течёт

Там вересковый мёд...

Там ведьма

С прялкою поёт

И колдовство прядёт.

Из чаши в чашу всё течёт

Там вересковый мёд...

Песня текла и переливалась странным аритмичным и завораживающим мотивом. Это была самая настоящая ведьмовская песня, оплетающая слушателей ласковыми, но цепкими сетями.

Этой песне Василису когда-то научила Майя, сама любившая её напевать во время сбора вереска, вот только ей от песни пользы не было никакой, ведь травница не обладала даже зачатками магических способностей, зато в руках чародейки растение напитывалось чарами, улучшающими его целебные свойства.

С удивлением Василиса обнаружила, что после песни и сама почувствовала себя гораздо лучше. На душе стало спокойнее, больше не терзали сомнения и опасения. Решив не тратить время впустую, Василиса наскоро позавтракала и пустилась в путь-дорогу.

По лесу пришлось идти пешком, пробираясь сквозь колючие заросли кустарника и отмахиваясь от вездесущей паутины. Тропинки не было – похоже, Василиса всё же свернула не туда. Попыталась разглядеть солнце сквозь ветви деревьев – общее направление всё ещё оставалось верным.

Лес шумел и жил своей жизнью: пели птицы, жужжали насекомые, хрустели веточки, то и дело проносился кто-то в листве.

Василиса развернула карту и снова сверилась с солнцем. Если всё указано правильно и она продолжит идти на северо-восток, то набредёт на дорогу, а к вечеру доберётся до деревни.

– Ладно, пойдём, – прошептала чародейка и потянула Былинку за собой. В очередной колючий куст.

Василиса блуждала по лесу целый день, так и не найдя ни тропы, ни деревни. Только к ночи, когда солнце уже спряталось за горизонтом, Василиса, вымотанная и отчаявшаяся, разглядела вдали едва различимый огонёк. Сомнений не было – костёр!

– Слава богам, – пробормотала Василиса и направилась к свету.

Деревья становились реже, и вскоре чародейка вышла на поляну. У опушки леса плясал костёр. Вокруг него сгрудилось стадо овец. А чуть поодаль сидели пастух, два мальчика и старуха.

Почувяв приближение Василисы, вскинул морду дремавший пёс.

– Кто это к нам пожаловал? – добродушно поинтересовался пастух, вглядываясь в темноту.

Василиса вышла к свету.

– Прошу прощения. Я заплутала. Позвольте провести ночь у вашего костра?

– Сегодня нам везёт на гостей, – засмеялся пастух и жестом пригласил Василису сесть. Ему было не больше сорока, на светлых кудрях играли отблески пламени, карие глаза смотрели на гостью добродушно. – Меня Тихон звать. А тебя как величать? Куда путь держишь?

– Василиса. Еду в столицу, чтобы поступить на службу в Вольскую Гвардию. А вы?

– Ого! – подскочил один из мальчиков. На вид ему было лет десять. – А ты воительница или чародейка?

– Яснорад, веди себя прилично, – цокнул языком пастух. – Ты, Василиса, прости моего сына.

– Ничего, – улыбнулась она и повернулась к мальчику: – Я чародейка.

– А я, когда вырасту, стану Соколом! – Яснорад ударил себя в грудь и ткнул пальцем во второго мальчика: – А ты, Богша, Вороном.

– А чего это я Вороном? Я вообще царём стану! – запротестовал Богша.

– Да куда царю до Соколов! Вот уж весело – в тереме сидеть, когда можно нечисть рубить!

– Мальчики, тише! – прикрикнул пастух и обратился к Василисе: – Мы в город идём овец продавать. Война уж год как кончилась, а жить легче не стало. Хорошо, хоть живы остались.

– Какая война? – не поняла Василиса.

– Как какая? Великая. Спасибо Белогору и его воинам, отбили нас. А ты откуда вышла, что про войну не слыхала?

– Так война уж пятьдесят лет как кончилась... – Василиса ничего не понимала.

Старуха скрипуче засмеялась. Маленькая, щупленькая, совершенно седая, она куталась в чёрные лохмотья. В руках она держала флягу, к которой то и дело прикладывалась.

– Свезло нам всем собраться у одного костра, – старуха добродушно улыбнулась беззубым ртом. – Впору теперь быть да сказки сказывать – духов да бесов отпугивать.

Мальчишки радостно заверещали и захлопали в ладоши.

– Про лешего давай! – воскликнул Яснорад.

– Нет, про оборотней с Севера! – перекрикивал брата Богша.

– А что, коли я вам... – старуха сощурилась и понизила голос, – про Тёмных расскажу?

– О-о! – протянули мальчики.

– Моя любимая история, – прошептал Яснорад.

Василиса тоже её любила. Эту историю вечерами рассказывала няня у печи, когда мать уже уходила спать. В груди разлилось тепло от воспоминаний о детстве, и Василиса придвинулась поближе к костру, чтобы внимательно слушать до боли знакомое сказание.

– Тёмные – древний могущественный народ, правивший людьми много-много лет назад. Посланные Богами, они были нашими царями и царицами так давно, что только птица Нагай помнит, как всё было на самом деле. Ни один человек не мог сравниться умом и силой с этими существами, и они имели власть над каждым из людей, чьё имя знали. И правили они нами железной рукой. Если Тёмный узнавал истинное имя человека, то бедолага уже не мог не подчиниться его приказам, и не важно, чародей это был или простой крестьянин...

– Ужасно... – вырвалось у Василисы.

Старушка кивнула и продолжила:

– Конечно, со временем нашлись те, кому удавалось сохранить своё истинное имя в секрете, чародеи наловчились придумывать обереги, спасавшие от власти Тёмных. Это позволило людям сопротивляться, но власть Тёмных всё ещё была слишком сильна. И однажды пропела птица Гамаюн пророчество Тёмным. Родится в затмение сын, что принесёт конец их правлению. И повелели Тёмные, чтобы принесли им всех младенцев, родившихся в тот день. Всех их сбросили со скалы в море. Но одного ребёнка удалось утаить. По просьбе матери унёс мальчика старый пастух, у которого никогда не было детей. Звали мальчика...

– Пересвет! – выкрикнул Яснорад.

– Верно-верно, – закричала старуха. – Воспитал пастух Пересвета, надеясь, что тот однажды свергнет Тёмных и освободит народ. Долго ли, коротко ли, Пересвет подрос и стал помогать названному отцу своему. И вот однажды, когда мальчик пас овец на лугу, одна отбилась от стада и потерялась.

Три дня и три ночи искал Пересвет овечку, но так и не нашёл. И однажды ночью, когда лёг он отдохнуть под огромным дубом, разыгралась страшная буря. И из гнезда на том дубе выпали два птенца. Пересвет был доброго нрава, а потому вернул их в гнездо.

Оказалось, что были это дети великой птицы Нагай. Узнав, что мальчик спас её детей, птица Нагай сказала, что исполнит любое его желание. А желание у мальчика было только одно: свергнуть Тёмных. И тогда птица Нагай поведала ему великую тайну Тёмных.

«Зная имя человека, они обретают над ним власть, – сказала птица. – Но сами они никогда не называют своих настоящих имён. Потому что, если человек узнает настоящее имя Тёмного, он получит полную власть над его силой, над его телом, над всем его существом...»

– Она сказала ему истинные имена Тёмных? – прошептал Богша, захваченный повествованием.

– Нет, – покачала головой старуха. – Их имена знала только Морена, богиня смерти, знающая имя каждого живого существа, ибо за каждым из них она рано или поздно придёт. И мальчику предстояло найти саму Смерть, и не просто найти, но и уговорить открыть ему имена. А как известно, Морена славится своим строптивым характером.

Птица Нагай указала мальчику путь к владениям Морены. Но они были так далеко, что он достиг их, только когда уже стал сильным и прекрасным юношей. Естественно, Морена отказалась открыть Пересвету имена Тёмных. Но юноша ей очень приглянулся. Поговаривают даже, что она влюбилась в его чистую и добрую душу. Поэтому Морена предложила Пересвету сделку: она откроет пастуху одно имя, если он, исполнив свой долг, вернётся в её владения навсегда.

– И он согласился? – заворожённо прошептал Яснорад, будто не знал ответа.

– Ну да, что ему оставалось, – пожала плечами старуха. – Он жил ради свержения Тёмных. Надо быть дураком, чтобы отказаться провести с богиней остаток своих дней. В знак их договора Морена подарила Пересвету свой серп. Тот, которым собирала души умерших, тот, что был намертво с ней связан. С его помощью Пересвет должен был вернуться к ней в Поля Нави.

– А имя? Она сказала?

– Да. Это было имя самого могущественного из Тёмных. Того, который имел власть над остальными. Пересвет пришёл к нему, назвал по имени и заставил дать Смертельную Клятву. Тёмные должны были уйти и больше никогда не посягать на власть над людьми. И ушли Тёмные в Мёртвые Земли без права на возвращение. А как известно, нарушивший Смертельную Клятву умрёт. Пересвет вернулся к Морене, и больше его никто не видел. А Тёмные, говорят, всё ещё бродят по пустошам Мёртвых Земель, гонимые всеми и отовсюду.

Старуха закончила рассказ и жадно отхлебнула из фляги.

– А я бы зарубил всех Тёмных! – захохотал Яснорад.

– Это я бы их зарубил! – толкнул брата Богша.

– Мальчики! – одёрнул их пастух.

– Давай ещё историю! – отмахнулся от отца Яснорад.

Старуха покачала головой.

– Нам всем пора спать, – проскрипела она. – Нас всех ждёт долгий путь.

Василиса вдруг почувствовала, что валится с ног от усталости. Она пыталась бороться со сном, прокрутить в голове странный разговор с пастухом, хотела ещё раз спросить его про войну, но глаза закрывались, будто кто-то против её воли тянул веки вниз. У Василисы не осталось сил даже на то, чтобы положить под голову сумку и закутаться в плащ. Она так и рухнула в траву под тёплый бок Былинки.

«Что-то не так», – пронеслось в голове и тут же рассеялось. Слова потеряли смысл и растворились в треске костра.

Сквозь смыкающиеся веки чародейка успела увидеть, как пастух поманил сыновей к себе и они вместе улеглись среди овец, прижавшись друг к другу.

Старуха осталась сидеть у костра.

3. Два ворона и чародейка

Василиса проснулась с рассветом от холода. Села, стуча зубами, и растерянно огляделась по сторонам. Вокруг было чистое поле и ни одной живой души. Ни пастуха с детьми, ни овец, ни старухи с флягой. Только давным-давно остывшее кострище.

«Просто взяли и ушли? – возмутилась Василиса. – Бросили одну посреди ничего и даже не разбудили?»

Василиса сбегала в ближайшие кустики и снова развела костёр, удивляясь, как ей удалось так крепко заснуть, чтобы не заметить отбытия овечьего стада. Странно! Василиса огляделась, замечая, что высокая трава вокруг не примята и не истоптана, словно целого стада тут никогда и не было.

– Не может такого быть, – пробормотала чародейка и прошлась по поляне в поисках следов путников. Споткнулась обо что-то в траве и чуть не упала. Камень? Нет. Василиса наклонилась, чтобы рассмотреть, – овечий череп.

Чертовщина какая-то.

«Кто же это был? Мертвяки? Призраки? Или мне это всё приснилось?» – нахмурилась Василиса и перевернула ногой череп. Из него выпал на землю блестящий чёрный уж. Чародейка ойкнула, отскочила в сторону, а уж поспешил скрыться в траве.

Василиса снова окинула взглядом поле, оглядела кострище – оно явно было настоящим и свежим. Призраки не разводят костры.

Василиса содрогнулась и поспешила назад к Былинке. Захотелось как можно скорее уехать подальше от этого места.

Тракт нашёлся в конце поля, и чародейка, сверившись с картой, снова поехала на восток.

Больше от маршрута Василиса не отклонялась. То ли карта на этом участке оказалась точнее, то ли ей просто везло, но все дороги и деревушки встречались ровно там, где им и положено было быть. Порт, как и полагалось, встретил Василису на третий день пути и съел почти все монеты в кошельке за ночлег и скромный ужин из репы и капусты.

К столице Василиса подъехала на пятый день пути, с первыми лучами восходящего солнца. Даргород окружала высокая белокаменная стена с четырьмя проезжими башнями.

Василиса развернула карту Даргорода, которую купила у уличного торговца в Порту аж за десять медных монет. Город, словно три древних змея, опоясывали три городские стены, а Даргород-река пронзала тело города подобно стреле, разделяя его на две почти равные части. Внутри центрального кольца располагались Царские Палаты, гарнизон Вольской Гвардии и Звёздная Башня. За средней стеной была вотчина зажиточных горожан: здесь жили бояре, купцы и ремесленники. За последней, внешней стеной жили горожане победнее, перебравшиеся в город крестьяне, и – если верить неаккуратной приписке в конце легенды карты – здесь же можно было встретить упырей[5 - Упырь – разумное и крайне опасное умертвие. Упыри питаются кровью людей и животных. У всех упырей холодные серые глаза. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.], мавок и другую разумную нечисть, которая стремилась жить по людским законам и которую в остальных частях города не жаловали.

Василиса прикинула примерный маршрут сквозь городские стены, спрятала карту и ударила Былинку пятками.

Первая стена встретила Василису яркими резными воротами с изображением медведей – символа царского рода. Предания гласили, что давным-давно предки нынешнего царя Радомира могли обращаться в огромных медведей, так же как до сих пор короли Северных Земель умеют обращаться в волков. Когда и почему царский род потерял эту способность, никто не знал.

Василиса въехала в город. За стеной её встретили маленькие деревянные домики, которые практически ничем не отличались от тех, что строили жители Лютоборов. Разве что ставни, наличники да коньки на крышах тут красили в яркие цвета, в основном красный, жёлтый и зелёный. Да и в целом атмосфера тут была скорее деревенская: по пыльным улицам бегали гуси да собаки,

женщина в лаптях тянула за верёвку козу, а мужики пытались вытолкать из лужи застрявшую телегу. Сначала Василиса даже не поняла, почему Даргород называют красивейшим городом Вольского Царства. Но потом она добралась до второй стены – точно такой же, как предыдущая. Василиса проехала сквозь ворота, которые в точности повторяли первые, и тут же застыла на месте, разинув рот. Всё же правду говорили об этом городе. Сказка!

За второй городской стеной оказались искусные резные терема. Они важно поглядывали на приезжих и лезли один на другой, будто соревнуясь, какой из них краше. Рядом скромно глядели на улицы каменные домики с красными черепичными крышами. Широкие улицы были полны людей. Все они спешили, кричали, шумели, сливаясь в непрерывный пёстрый поток. На многих каменных домиках висели таблички, указывая на то, что внутри жили ремесленники. Вот поскрипывает на ветру кованый башмак сапожника, а рядом блестит на солнце начищенная табличка гончара. А через дорогу можно купить тканей или пошить платье.

Но в Даргороде была ещё одна стена. В самом центре, там, где над самыми высокими теремами нависали три здания, которые Василиса раньше видела только на картинках: Царские Палаты, Звёздная Башня и гарнизон Вольской Гвардии.

Василиса петляла по улицам Даргорода, стараясь не терять из виду блестящие шпили гарнизона, на каждом из которых было установлено по золотой птице: Журавль, Ворон и Сокол. Выше них была только многоярусная Звёздная Башня из красного кирпича – владения Совета Чародеев.

Белокаменный замок Вольской Гвардии окружала высокая железная ограда. У распахнутых ворот, опёршись на копьё, бдительно дремал закованный в латы дружинник.

– Стой! Кто идёт?! – встрепенулся он, грозно поглядывая на чародейку. Глаза у него были маленькие, карие – глаза любителя медовухи и азартных игр.

– Добрый день, – Василиса спешила. – Я Василиса из Тригорской долины. Мне нужно попасть к Аргораду.

– Грамота есть? – зыркнул охранник.

– Нет, у меня есть письмо и...

– Без грамоты не положено.

– Но я ученица Беремира Красного. Должна заступить на службу Вороном! Мне нужно увидеть Аргорада.

– Э, сказочница, – усмехнулся охранник. – Ты мне давай сказки не рассказывай. Тебя я раньше тут не видал. При тебе ни кафтана гвардейского, ни грамоты. А набор воспитанников у нас только по весне. Я своё дело знаю. Мимо меня муха не пролетит.

К воротам приблизился светловолосый юноша в перемазанной грязью рубахе. Он не обратил никакого внимания ни на Василису, ни на бдительного стража и вошёл в ворота.

– А у него вы почему грамоту не спросили?! – воскликнула Василиса, тыча пальцем в спину юноши. – Он же выглядит как бродяга!

– Ты язык-то попридержи, болезная! – заорал охранник и схватил Василису за грудки.

Чародейка в ответ вцепилась в его руку и хорошенько пнула по ногам.

– Руки не распускай! А то глаза тебе выжгу! Я боевой чародей! Ты у меня в темнице будешь три дня сидеть!

– Что тут у вас происходит? – из-за ворот показалась голова того самого юноши. Вид у него был озадаченный.

– Нарушители тут!

– Я не нарушитель! – брыкалась Василиса. – Я ученица Беремира Красного!

– Ратко, пусти её. – Юноша улыбнулся. – Я во всём разберусь.

Выругавшись себе под нос, охранник отпустил Василису. Чародейка с облегчением вздохнула и поспешила догнать юношу, который уже скрылся за воротами.

- Спасибо!

Василиса оглядела своего спасителя. Он был высок и строен, кажется, немногим старше её самой. Одежда его выглядела просто: грязная холщовая рубашка и тёмные штаны, заправленные в сбитые кожаные сапоги. Но скромная одежда и грязь не могли скрыть его благородного происхождения. Василиса сразу подметила светлую кожу, которую не тронул крестьянский загар, гордую осанку и правильные, гармоничные черты лица, встретила взглядом со спокойными выразительными глазами цвета малахита.

- Не за что. Как тебя зовут?

- Василиса, а ты...

- Атли.

Василиса удивилась. Имя нездешнее, Северное.

- Так ты ученица Беремира Красного? - спросил Атли, и теперь Василиса различила в его речи лёгкий, почти незаметный акцент.

Чародейка кивнула:

- Я обучалась у Беремира семь лет.

- Смелое заявление. Насколько мне известно, он отошёл от дел и не берёт учеников.

- Меня взял. Я... очень его просила. - Чародейка осеклась, голос задрожал, а к горлу подступил ком. Она изо всех сил сжала кулаки и постаралась успокоиться.

- Что случилось? - от Атли не укрылась её реакция.

– Беремир погиб. – Василиса сглотнула слёзы и отвернулась. – Поэтому мне очень нужно видеть Аргорада.

Атли шумно выдохнул, но ничего не сказал, только ускорил шаг.

Перед гарнизоном раскинулся прекрасный сад с фонтанами, бассейнами и аллеями кипарисов. Вход в здание предваряла белоснежная лестница из чистого мрамора и трёхметровые дубовые двери, на которых были изображены самые разные волшебные существа, известные миру: единороги, русалки, кентавры, феи – лишь малая часть того, что Василиса успела разглядеть, прежде чем Атли взбежал по лестнице и открыл резные створки.

– Лошадь оставь тут. Её отведут в конюшни и накормят, – бросил он и скрылся внутри.

Василиса похлопала кобылу по шее – Былинка уже начала объедать ближайший цветник – и поспешила следом за Атли.

Они оказались в просторном зале, совершенно пустом в этот ранний час. Потолок подпирали массивные мраморные колонны, стены украшали портреты и пейзажи в золочёных рамах. Наверх вела широкая парадная лестница, к которой уверенно двинулся Атли. Над ней гостей встречал огромный портрет мужчины средних лет, с тёмной бородой и карими глазами, строго вззирающими на мир из-под густых бровей.

– Кто это? – спросила Василиса.

– Белогор, – ответил Атли. – Первый командующий Гвардией.

Василиса кивнула, заворожённо разглядывая острые черты лица на картине. Во всём облике Белогора – в наклоне головы, широких плечах и руке, сжимающей пергамент, – сквозили сила, уверенность и властность. Если уж портрет вышел таким впечатляющим, каким же могущественным был сам чародей!

– Аргорад точно сможет нас принять так рано? – спросила Василиса, отрываясь от картины и догоняя Атли.

Тот кивнул.

– Порой мне кажется, что он никогда не спит, – засмеялся он, сворачивая в ближайший коридор, просторный и светлый благодаря огромным панорамным окнам.

Атли открыл перед Василисой дверь, и они прошли в кабинет главнокомандующего Гвардией. Помещение оказалось небольшим и абсолютно захламлённым. Столы и подоконники были завалены книгами, свитками и пергаментами, кое-где удавалось разглядеть тарелки и чашки с остатками еды и питья. В углу комнаты на узенькой софе полулежал худой длинноногий мужчина с болезненным блеском в глазах, что-то сосредоточенно помечая в длиннущем свитке, конец которого терялся в общей массе остального хлама. На длинных тонких пальцах, как и на заострённом лице, виднелись чернильные пятна. Мужчина окунал гусиное перо в чернильницу, которая стояла на самом краю трёхногого табурета у софы.

– Атли! – воскликнул Аргорад и соскочил с софы, задев табурет и едва успев поймать полетевшую на пол чернильницу. – Доброе утро, мальчик мой! Как прошла твоя ночная прогулка по лесу? Размял косто...

Василиса выглянула из-за спины Атли, и Аргорад осёкся, но тут же снова повеселел.

– А это что за красная девица?

Честно говоря, Василиса сильно сомневалась в своей прекрасности. В бане она последний раз парилась ещё до отъезда из Лютоборов и теперь стояла вся насквозь потная, припорошенная дорожной пылью. Василиса оглянулась на Атли, и тот ободряюще улыбнулся.

– Это Василиса. Ученица Беремира.

Аргорад непонимающе моргнул:

– Что, прости?

– Здравствуйте! Я прибыла со срочным посланием от Беремира Красного, – опомнилась Василиса.

– От Беремира? – расплылся в радостной улыбке Аргорад. – Надеюсь, он в добром здравии?

– Он погиб.

Аргорад так и застыл с глупой улыбкой на губах, которая медленно сползала с его лица. Он мгновенно посерьёзnel и многозначительно посмотрел на Атли вмиг потемневшими глазами, которые всего секунду назад были цвета весенней травы.

– Собери капитанов в малом зале.

Атли кивнул и стрелой вылетел из кабинета.

Аргорад прошёл к креслу у окна и сел, облокотившись на стол. Внешне он был абсолютно спокоен, только кончики его ушей, выглядывающие из длинных светлых, почти белых волос, слегка подрагивали.

– Так что же Беремир просил мне передать? – ровным голосом поинтересовался Аргорад.

Василиса залезла в сумку и после недолгих поисков протянула ему тяжёлый перстень Беремира. Аргорад не торопился брать украшение и хмуро смотрел на него, оперев подбородок в сцепленные в замок руки.

– Ах, да! – Василиса положила перстень на стол и снова нырнула в сумку, на этот раз за письмом. – Ещё вот это.

Аргорад взял конверт и углубился в чтение.

Василиса наблюдала за тем, как менялось выражение его лица: брови сходились на переносице, губы вытягивались в тонкую линию, на лбу проступала глубокая морщина.

Василиса догадалась, что письмо было двойным. Наставник успел научить её такой технике – зачарованное послание, в котором каждый адресат видел своё.

Дочитав, Аргорад отложил письмо и некоторое время молчал, глядя прямо перед собой. Василиса начинала чувствовать себя неловко.

– Позволь узнать, сколько ты обучалась у Беремира? – наконец спросил он.

– Семь лет, – неуверенно ответила Василиса, стараясь сдержать дрожь в голосе.

– Сумасшедший старик, – выдохнул Аргорад, взмахивая руками. – Сумасшедший старикашка, так и не научившийся ладить с Советом!

– Простите? – не поняла Василиса и невольно бросила взгляд на Звёздную Башню, которая виднелась в окне за спиной Аргорада. – Как всё это связано с Советом?

К Совету Чародеев Василиса относилась с настороженностью, передавшейся ей от Беремира.

Наставник не питал к Совету нежных чувств, вечно бормоча что-то про «сборище старых дураков». В книгах и учебниках, которые читала Василиса, о Совете всегда отзывались как о необходимой силе, поддерживающей баланс власти в Вольском Царстве. Чародеи из Звёздной Башни улаживали вопросы, касающиеся магической сферы жизни: от стихийных бедствий до развития магических наук. Фактически они правили страной наравне с царём, хоть формально и подчинялись ему. Гвардия же была независимой, не вовлекалась в политику и занималась своим делом: защитой людей от нечисти и тёмных чар. Беремир же видел в Совете угрозу. Бывало, в праздники, перебрав медовухи, он делился опасениями со своей ученицей. Правда, Василиса едва ли понимала и половину из того, что говорил учитель. «Не представляю, что будет с Гвардией, когда нас не станет, – говорил чародей, прикладываясь к кружке. – Эти хмыри из Совета тут же приберут её к рукам. Им только дай волю – превратят Воронов да Соколов в своих слуг».

«Будем верить, что Аргорад не сдаст позиций, – продолжал Беремир. – Пусть он тощий, лопухий и слегка придурковат, да и руки вечно грязные, но зато какой умище!»

Василиса взглянула на измазанные чернилами руки Аргорада и улыбнулась, поняв, о ком «тощем» и «лопухом» любил вспоминать наставник.

– Здесь нет ничего смешного, – заметил Аргорад, неправильно истолковав её улыбку.

– Простите, – Василиса с трудом заставила себя перестать улыбаться. Характеристика командующего Гвардией никак не выходила из головы. – Вы не могли бы мне всё объяснить?

– Да уж теперь придётся, – вздохнул Аргорад.

Аргорад кивнул на лежащий на столе перстень.

– Этот перстень – пропуск в Гвардию. Отдав его, Беремир обеспечил тебе место в рядах Воронов. Ну и на всякий случай изложил всё в письме мне.

Василиса не могла поверить своим ушам. Вот так просто?

– Разумеется, мы исполним его последнюю волю, – продолжил Аргорад. – Место среди Воронов найдётся. Выделим тебе отдельную комнату в гарнизоне и жалованье. А там – как себя проявишь. Согласна?

Василиса не раздумывала. Денег у неё не осталось, жить было негде, домой она возвращаться не собиралась, и тёплое место в Гвардии, одобренное рекомендацией от Беремира и приправленное опасными приключениями, которых Василиса так искала, бродя ночами по Тригорским лесам да болотам, – всё, о чём она могла мечтать... Возможно, ей даже представится шанс найти убийцу и отомстить за смерть учителя. Это было как раз то, что нужно.

Василиса надела перстень и пристально посмотрела в зелёные глаза Аргорада:

– Согласна.

Командующий хлопнул в ладоши:

– Отлично! Я сейчас распоряжусь, чтобы тебе предоставили всё, что нужно. Отдохни, а вечером познакомишься со своим капитаном.

– Да, ещё кое-что. Беремир знал, что его собираются убить. Написал об этом мне в письме. Вы что-то об этом знаете?

– К сожалению, для меня это такая же тайна, – покачал головой Аргорад. – Но я сегодня же поручу Соколам начать расследование. Подожди здесь, я приглашу служанку тебя проводить.

Василиса почувствовала, что валится с ног от усталости, когда Аргорад вышел из кабинета, поставив точку в их тяжёлом разговоре. Она ждала, что слёзы придут во время беседы или сразу после, но кроме боли в мышцах и головокружения Василиса ничего не чувствовала.

Она присела на захламлённую софу и тихонько застонала, пряча глаза от яркого солнца, лучи которого проникали в комнату через огромное окно.

Чародейка положила руки на колени и опустила на них голову, согнувшись пополам. Она уже почти задремала, когда услышала высокий, раздражающе звонкий голосок.

– Приветствую, ты Василиса? Пойдём, я провожу тебя.

Василиса с трудом разлепила глаза и увидела перед собой невысокую худенькую девушку лет пятнадцати, облачённую в серое платье служанки. Пшеничные волосы были заплетены в косу и переброшены на плечо, голубые глаза светились задором и любопытством.

Вежливо поздоровавшись, Василиса поплелась вслед за девушкой, которая без умолку что-то рассказывала. Чародейка её почти не слушала, слова превращались в неопределённое жужжание, от которого хотелось поскорее избавиться. К счастью, вопросов служанка не задавала – похоже, она была второй Майей, которой нужен слушатель, а не собеседник.

Девушка вывела Василису обратно к парадной лестнице и свернула в коридор.

– В центральном корпусе учатся и живут воспитанники, – тараторила она. – Гвардейцы живут в башнях. Восточное крыло – корпус Воронов. Западное – Соколов.

– А Журавли? – спросила Василиса.

– Журавли отдельно. Их корпус у реки.

Восточное крыло гарнизона встретило Василису чёрными знамёнами с вышитым на них вороном. Они висели под сводами потолка и выделялись на фоне белых стен и больших светлых окон. Здесь же Василиса увидела и гвардейцев в форме – чёрных кафтанах, расшитых серебром. Одни Вороны куда-то спешили, другие стояли у окон и непринуждённо разговаривали. И все бросали на Василису удивлённые и заинтересованные взгляды.

Служанка увлекла Василису на лестницу. Они поднялись на четвёртый этаж и снова попали в коридор. Здесь уже не было знамён, а на полу лежали ковры.

– А вот и твоя комната! – Девушка открыла перед Василисой первую дверь.

Чародейка заглянула внутрь. Просторно. Двухспальная кровать с периной, шкаф, письменный стол у большого окна, зеркало в уродливой позолоченной раме и ещё одна дверь. Как оказалось, вела она в комнату с большой круглой купелью, прямо в ней, за деревянной перегородкой, уместилась маленькая железная печь. Тонкая труба выходила из печи и исчезала в стене. Такого Василиса ещё не видела.

– Это вместо бани! – гордо пояснила служанка, проследив за удивлённым взглядом чародейки. – Придумали чародеи из Империи Хэ. Воду поднимает специальное колесо, печь греет, а если дёрнуть вон за ту верёвку, вода выльется обратно в реку, представляешь! Носить воду, правда, от колеса до купелей приходится вёдрами, но что поделать. Зато такая штука есть только у нас и у богачей из Хэ. Даже у царя нет!

К удивлению Василисы, купель уже была наполнена, рядом лежали мыло и мочалка. Служанка попрощалась и умчалась прочь, оставив чародейку в одиночестве.

Василиса с трудом заставила себя залезть в тёплую воду с запахом лаванды, прежде чем пойти спать. Мышцы слегка расслабились, головная боль утихла, даже усталость отступила. Чародейка тихонько порадовалась, что её отвели не в баню, где пришлось бы ещё воевать с противным банником – мелким существом, нороящим напакостить любому, кто пришёл помыться, и любящим беззастенчиво поглазеть на юных дев.

Вода окутывала теплом и уютом, и, наверное, впервые за последние пять дней Василиса почувствовала себя в безопасности. Подтянув ноги и обхватив колени руками, она сидела на дне купели и рассеянно разглядывала тёмный камень в кольце на руке. Василиса почувствовала, как заложило нос и защипало глаза. Несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, и поняла, что сопротивляться невозможно, – слишком многое на неё навалилось.

Не в состоянии больше сдерживаться, Василиса обхватила голову и расплакалась. Слезы текли по лицу и капали в воду, делая её немного солонее. Чародейка не сдерживалась, дрожа всем телом, рыдала, отпуская всё горе, страх и боль, которые носила в себе эти дни.

Было трудно дышать, а ещё тяжелее плакать тихо, чтобы никто не услышал. Она знала, что потом станет легче, – потом, когда иссякнет не первый и не второй приступ слёз.

Тяжело терять близких, но ещё тяжелее оставаться при этом прежней. Нет, не тяжелее – это невозможно, и она знала это. Беремир не хотел, чтобы ученица плакала о нём, он спас её, чтобы Василиса продолжала радоваться жизни. Завещал ей место в Гвардии, как она и мечтала.

Но сможет ли она? Василиса не была в этом уверена. Но одно знала точно: служба в Гвардии даёт ей замечательный шанс найти и наказать убийцу. А дальше... Может, и правда станет легче. Василиса съехала по спинке купели, позволив воде полностью укрыть себя.

После долгих слёз чародейка наконец почувствовала, что снова может дышать. Жуткое, пугающее чувство пустоты, которое грозило поглотить Василису, на время отступило.

Придя в себя, она поняла, что печь потухла, вода почти остыла и тело покрылось мурашками от холода. Завернувшись в полотенце, Василиса добралась до кровати. Рухнула в постель, скинула полотенце и забралась под одеяло полностью обнажённой. Как же здорово было ощущать кожей приятный хлопок простыней. Запустив руки под подушку, Василиса моментально забылась сном.

Чародейка проснулась, когда солнце уже начало скатываться к горизонту. Она не сразу сообразила, где находится. Вместе с воспоминаниями пришли неприятные мысли и пугающие вопросы, поэтому она быстро от них отмахнулась и поспешила вылезти из кровати.

Василиса чувствовала себя бодрой и посвежевшей впервые за последние несколько дней. Но отражение в зеркале её не обрадовало. Лицо осунулось, губы пересохли и потрескались от степного воздуха, под глазами залегли тени. Правда, на щеках наконец появился румянец.

На спинке кровати Василиса обнаружила новую одежду: нижнее бельё, несколько хлопковых рубах, льняные и кожаные штаны и отличного качества чёрный дорожный плащ. У стола лежали седельные сумки с Былинки. На столе стоял поднос с едой и лежала записка, написанная аккуратным крупным почерком.

«Восточное крыло. Второй этаж. Красная дверь. Жду нашей встречи. Капитан А.», – прочитала Василиса.

Одевшись и заплетя волосы в тугую косу, Василиса перекусила остывшим супом с ломтем чёрного хлеба и покинула комнату.

В коридоре второго этажа не было никого, кроме вечернего солнца. Огромные арочные окна наполняли пространство воздухом и светом. Василиса оглядывала белые каменные стены, высокие потолки и чёрные знамёна Воронов и чувствовала себя необычайно маленькой. После тесной избы Беремира здешние коридоры казались ей предназначенными для великанов из нянькиных сказок.

Василиса вытянула руку вверх. В избе ей хватало трёхногого табурета, чтобы коснуться потолка, тут же понадобилось бы пять табуретов, чтобы дотянуться до краешка знамени.

Василиса неторопливо ступала по серому камню, прислушиваясь к себе. В груди сплетались в клубок волнение и любопытство от предстоящей встречи с капитаном. Что она должна сказать ему? Поздороваться? Отдать честь? Вороны отдают честь? А её уже можно назвать Вороном?

«Добрый день, я получила ваше письмо... Нет, как-то глупо. Добрый день – так уже не день! Я прибыла по вашему распоряжению. Так вообще говорят? – Василиса перебирала варианты. – Нужно что-то попроще. Здравствуйте, вы хотели меня видеть? Ну, чубась, конечно, хотел. Зачем тогда писал записку!»

За этими размышлениями Василиса остановилась у окна. Внизу раскинулся просторный двор с лужайками, цветниками, фруктовыми деревьями и кустами сирени. В центре на свободном пятачке, к которому сходились усыпанные галькой дорожки, упражнялись Соколы в красных кафтанах. Их было четверо, две пары сражались между собой: воины схлестнулись на мечах, а чародеи пытались достать друг друга заклинаниями. Чародейка – смуглая женщина с короткими угольно-чёрными волосами – осыпала противника градом огненных «перьев». Её лёгкие стремительные движения напоминали диковинный танец. Она то бабочкой порхала по двору, то извивалась змеей, сплетая всё новые и новые огненные заклятия. Она взмахивала руками, и пламя продолжением её движения несло к цели.

Василиса заворожённо наблюдала за этим зрелищем. И не она одна. Во дворе собралась стайка Воронов. Они улюлюкали и хлопали в ладоши. Кто-то даже взобрался на дерево, чтобы лучше видеть происходящее.

«Как знать, может, однажды я тоже надену красный кафтан», – подумала Василиса, переводя взгляд вдаль, на маковки Царских Палат и высокую стену за ними. Там, за стенами, жители спокойно занимались своими делами, возможно, даже не задумываясь о том, что за их покоем стоят сотни Воронов и Соколов, разбросанных по стране, каждый день рискующих своей жизнью в сражениях с нечистью.

После окончания Великой Войны землю продолжали разорять чудища, вырвавшиеся из Нави. И основание Вольской Гвардии стало лишь вопросом времени. Миру нужны были воины и чародеи, способные противостоять заразе. Белогор это понимал. Понимал он и то, что рано или поздно чернокнижники снова поднимут голову.

«Опыт Великой Войны показал, что ни человечество, ни Совет не были готовы к масштабной магической войне, – рассказывал Беремир во время урока. – Высшая магия всегда была привилегией элиты. Передавалась из поколения в поколение, от придворных чародеев – к их редким ученикам из знатных семей. Простолюдины же были вынуждены собирать крупички знаний сами, перемешивать их с преданиями и суевериями и по наитию творить подобие чар. Таких чародеи до сих пор пренебрежительно называют ведьмами и ведьмаками. Чернокнижники увидели эту ошибку и сделали ставку на массы. Вербовали одарённых детей по деревням и сёлам, превращая их в оружие против власти».

«И после войны Белогор решил сделать то же самое», – кивала Василиса.

«Чтобы сохранить мир, нужно всегда быть готовым к бою», – отвечал Беремир.

Василиса вынырнула из воспоминаний и погладила перстень на пальце.

– Скажи, что я готова, – прошептала она.

Втянула носом воздух, закрыла глаза, выдохнула и уверенным шагом направилась к красной двери.

Капитан сидел за письменным столом, опустив голову, и что-то писал. Вокруг него ровными стопками лежали книги и свитки. В окно за спиной заглядывало закатное солнце. Он поднял на Василису малахитовые глаза.

– Атли? – вырвалось у Василисы. – Ой, простите, капитан! Я прибыла, записку получила...

Атли обворожительно улыбнулся и поправил воротник чёрного кафтана. На груди блеснула брошь – серебряный ворон на полумесяце.

– Можно просто Атли. Не люблю формальности. Присаживайся. – Он указал на кресло у стола.

Василиса приняла приглашение. Кабинет Атли казался удивительно пустым. Письменный стол, кресло и книжный шкаф – вот и всё, что здесь было. У одной стены лежала большая циновка с клочьями серой шерсти и крупная обглоданная кость. Шерсть обнаружилась и на чёрном кафтане Атли. Василиса машинально огляделась в поисках пса, но никого не увидела.

– Как тебе твоя комната? Всё нравится?

Василиса кивнула.

– Отлично, – Атли говорил непринуждённо, словно они были старыми друзьями. – Расскажи немного о себе. Откуда ты? Как попала к Беремиру?

– Я из Илланского княжества.

Атли не сумел скрыть удивления:

– С юга, значит. Далеко же тебя занесло.

– Я хотела учиться у Беремира, – пожала плечами Василиса. – Много слышала о нём в детстве. Мама была против магии. В смысле, она была слегка не в себе. Говорила, что меня хотят у неё отнять, запрещала покидать дом. Так что все отборы в Гвардию я пропустила. А потом мама наняла мне няньку. Дуней звали. И она оказалась ведьмой. Скрывала это от матери, разумеется. Но зато сумела понять, что и у меня есть способности. Сначала она сама учила меня тайком. Рассказывала про Гвардию, про Беремира. А когда мне исполнилось тринадцать, мы с Дуней сбежали.

– Что с ней стало?

– Наверное, вернулась назад, – ответила Василиса. – Мы расстались на въезде в Тригорскую долину. Она сказала, что не может поехать дальше. Я несколько дней блуждала по лесу, но всё же смогла найти Лютоборы и Беремира.

– И он сразу согласился?

– Ну, не сразу, – протянула Василиса. – Я три ночи провела на его крыльце. Днём не давала ему проходу и всё показывала какие-то фокусы.

Василиса засмеялась, вспоминая.

– Я заставила летать ведро. Оно оказалось с навозом. Конечно, я его уронила.

Глаза Атли весело блестели.

– Надеюсь, не на Беремира?

– На домового, – Василиса коснулась мешочка на шее. – Наше знакомство не задалось.

Атли сделал несколько пометок на листе пергамента.

– Происходило ли что-то... необычное? – спросил он. – Беремир рассказывал тебе, чем занимался в Лютоборах?

Василиса прищурилась. О чём это он?

– Он говорил, что отошёл от дел. Не знаю. Нет, наверное, ничего необычного.

– Ладно, – Атли отложил перо. – Думаю, на этом мы можем пока закончить. Вообще я позвал тебя, чтобы потренироваться. Посмотреть, что ты умеешь и как будешь работать в паре.

Атли встал из-за стола. Василиса тоже поднялась.

– Моей... парой будешь ты? – спросила она. Щёки обжёг румянец.

Атли несколько секунд непонимающе смотрел на Василису, а затем звонко расхохотался. Малахитовые глаза наполнились слезами и оттого ещё больше напомнили диковинные драгоценные камни.

Василиса опешила от такой реакции, чувствуя, как щёки краснеют ещё сильнее, и поспешила опустить взгляд.

– Признаться честно, я польщён этим предположением, – отсмеявшись, ответил Атли. – Но, к моему великому сожалению, не мне быть твоей парой. Пойдём на поле, я вас познакомлю.

Он направился к двери, жестом пригласив Василису следовать за ним.

– Ты прибыла... рановато. Старшие воспитанники Гвардии завершат обучение только через полгода, поэтому выбор партнёров для тебя несколько ограничен. По правде сказать, его нет вовсе. В Гвардии сейчас только один воин без пары. Надеюсь, вы поладите.

– Почему он один? С его парой что-то случилось?

– Нет-нет, что ты, – заулыбался Атли. – С Кирши просто никто не хочет работать.

Василиса растерянно посмотрела на Атли. В груди разгоралось беспокойство. Нет, она, конечно, не рассчитывала, что в Гвардии её сразу поставят в элитную двойку. Но Кирши, с которым «просто никто не хочет работать»? По правде сказать, она не знала, как на это реагировать и что говорить. Подвох был очевиден: с её будущим напарником что-то не так. А прямолинейность Атли и та непосредственность, с которой он сообщил об этом, и вовсе сбивали с толку.

Атли будто прочёл мысли Василисы.

– У Кирши сложная история, – лицо его стало серьёзным. – И характер. Но он один из лучших в Гвардии. Многому сможет тебя научить.

Атли вернул на лицо озорную улыбку и добавил:

– Если ты не сбежишь раньше, конечно.

Василиса помедлила с ответом. В мыслях мелькнула слабая догадка: Атли хочет проверить, достойна ли она места в Воронах. Всё ясно: если она не найдёт

общий язык с напарником, то не станет полноправным членом Гвардии, и тогда, возможно, ей придётся уйти.

– Не сбегу, – твёрдо ответила Василиса и с вызовом посмотрела в глаза Атли.

Она вложила во взгляд всю свою решимость. Сердце ускорилось, и щёки вновь запылали. Она не сдастся, не отступит и уж точно не сбежит. Слишком многое на кону.

Атли ничего не ответил, лишь снова очаровательно улыбнулся.

Капитан вывел Василису из дверей гарнизона и направился в сторону круглой, усыпанной песком площадки, с одной стороны которой полукругом росли деревья, с другой – разлился небольшой пруд в форме полумесяца. С возвышения лестницы и в лучах заката картинка выходила очаровательная. Жёлтая листва деревьев перетекала в синеву пруда, на которой играли красные блики, словно пламя, дерзнувшее охватить водную гладь.

– Здесь воспитанники тренируют чары стихий и рукопашный бой, – пояснил Атли. – Идём, Кирши уже нас дождался.

Дождя? Но Василиса никого не видела на площадке. Только когда они с Атли ступили на песок, она разглядела одинокую фигуру в тени деревьев. Чародейка невольно ускорила шаг – ей хотелось скорее взглянуть на Кирши. Волнение иголками взбежало вверх по позвоночнику, Василиса затаила дыхание. Ещё несколько шагов, и она уже могла разглядеть тёмные волосы, собранные в неряшливый пучок, острые скулы и тонкий прямой нос. Глаза были закрыты. Кирши будто дремал, прислонившись к стволу клёна и скрестив руки на груди. Чёрный кафтан с воротником-стойкой подчёркивал бледность кожи и ширину плеч. У левого бедра Василиса разглядела необычный двуручный меч с длинной чёрной рукоятью и узкой круглой гардой. Она видела подобные на картинках в книгах Беремира – это была катана. Такие мечи ковали только на Восточных Островах. Неужели служба Вороном заводила Кирши так далеко?

Василиса затаила дыхание, зачарованная обликом Кирши. Он был нечеловечески красив, словно сын самого Дажьбога, по ошибке оказавшийся в мире смертных. Но наваждение исчезло, стоило Кирши открыть глаза.

Синие, как вечернее небо, глаза встретили холодом и непроглядной тьмой. Василиса отпрянула, напуганная этим зрелищем. В груди защемило, по спине пробежали мурашки. Василиса не могла выдержать этот взгляд и отвернулась. Казалось... Нет, она была уверена, что, посмотри она хоть секундой дольше, тьма неизбежно поглотила бы её, не оставив в душе ни света, ни надежды. В голове в такт испуганному стуку сердца билась только одна мысль: «Что он такое?»

Но и это наваждение длилось всего мгновение. Кирши оттолкнулся от дерева, оказавшись выше Атли на добрых полголовы, и принял скучающий вид. Его глаза потухли и побледнели, как бледнеет небо туманным утром, и теперь не выражали ничего, кроме скуки. Василиса снова смогла дышать.

– И ради чего ты вытащил меня из постели? – Голос мягкий, как кошачьи лапы, низкий и тягучий.

Василиса бросила обеспокоенный взгляд на Атли. Кирши так фамильярно разговаривает с капитаном? Тот и ухом не повёл.

– Поздравляю, – сказал он. – У тебя наконец появилась пара. Знакомься, это Василиса.

Взгляд Кирши скользнул по лицу чародейки. Она расправила плечи и с вызовом посмотрела Кирши в глаза. Василиса была готова к возражениям и недовольству, была готова отстаивать своё право на место в двойке. Но Кирши уже на неё не смотрел.

– Это приказ? – спросил он у Атли.

– Приказ, – с очаровательной улыбкой ответил командир.

Кирши вздохнул. В этом вздохе не было ни разочарования, ни недовольства. Только вселенская усталость. Он отвязал катану от пояса и аккуратно положил на землю у ближайшего дерева.

– Ладно, – синие глаза вновь смотрели на Василису. – Давай посмотрим, что ты умеешь.

Василиса даже не заметила, как Кирши рванулся к ней. Спиной почувствовала его твёрдую грудь, одной рукой он заломил ей руку, другой – сжал горло. Не больно, но властно. Василиса даже вскрикнуть не успела.

– Какая тонкая шея. – Ухо запылало от его дыхания. – Её так легко сломать...

– Пусти! – рявкнула Василиса.

– Нет, – шепнул Кирши, и его губы коснулись мочки уха. – Заставь меня.

Чародейка пришла в бешенство. Да как он смеет прикасаться к ней таким образом? Как смеет обращаться как с игрушкой? Отвратительный человек! Издав утробное рычание, Василиса сжала свободную руку в кулак и сделала резкий пасс.

Сильный поток воздуха отбросил Кирши на несколько шагов. Чародейка развернулась к нему, принимая боевую стойку, которой учил Беремир. Кирши победно улыбнулся и тоже приготовился к бою.

– Давай, ведьмочка, – хрипло проговорил он и покачнулся, но устоял, сделав шаг назад. Похоже, удар оказался сильнее, чем Василисе показалось на первый взгляд.

– Я чародейка! – крикнула Василиса.

Что ж. Хочет драться? Вперёд. Василиса сжала кулаки: она не собиралась его жалеть, втайне даже надеялась нанести пару глубоких и очень опасных ран. Внутри закипало пламя.

Василиса отвела назад сжатую в кулак левую руку, затем, очертив ею круг, резко выбросила вперёд и тут же проделала то же самое правой. На всё потребовалась пара секунд, и к Кирши уже с бешеной скоростью мчались два огненных шара. Не дожидаясь, пока они достигнут цели, чародейка повернулась боком, присела и сделала руками пасс, повторяющий очертания гребня волны. Меж ладоней её сверкнула молния.

К её удивлению, Кирши легко смог уклониться от огня и перейти в атаку прежде, чем Василиса успела послать следом молнию. Чародейка едва увернулась от кулака, метившего точно в скулу. Молния взметнулась вверх и раздробила надвое ствол берёзы. Чубась! Кажется, стоит использовать заряды послабее, если она не хочет убить этого придурка.

Василиса послала в Кирши пару огненных «перьев», но и они не достигли цели, и, чтобы увернуться от следующего удара, чародейке пришлось помочь себе потоком воздуха. Василиса взлетела над землёй, перекувыркнулась и приземлилась, подняв облако пыли. Кирши не успел среагировать, когда мощный поток воздуха сшиб его с ног. Пролетев несколько метров, он каким-то чудом сумел повернуться и всё же приземлиться на ноги. Это разозлило Василису ещё больше.

Она наносила удары руками и ногами, используя доступные стихии, вспоминая всё, чему учил наставник, все позы и пассы. Сейчас она творила чары без заклинаний. Чародейка танцевала, эта сила была её частью. Агрессивной частью.

Совсем скоро Василиса начала уставать. Дыхание сбилось, резерв стремительно таял, а Кирши всё ещё был полон сил. Удивительно, как без помощи магии он мог противостоять чародею, уходить от атак, да ещё и успевать нападать. Нет, что-то здесь не так. Василиса видела, что несколько раз огонь всё же достиг цели, но вреда не причинил. Кирши будто рассеивал чары. Если удар и доставал его, то оказывался не настолько сильным, чтобы нанести серьёзную травму или хотя бы сбить с ног. Что за чертовщина?

Кирши начал теснить чародейку к воде. Она уже пропустила несколько ударов, с досадой понимая, что Кирши её жалеет и, бейся он в полную силу, Василиса уже лежала бы на лопатках.

Ноги её коснулись воды, и чародейка чуть не упала, споткнувшись о корягу. Кирши провёл несколько ударов, Василиса заслонилась воздушным щитом и сумела поднырнуть под его рукой, шагнув ему за спину. Кирши тут же развернулся. Василиса уже не могла дышать, пот струился по всему телу, волосы налипли на лицо.

– Слабенько, ведьмочка, слабенько, – проговорил Кирши с усмешкой, но Василиса видела, что он тоже устал.

– Это ещё не всё, – выдохнула она и изобразила замысловатый, ужасно красивый пасс, один из любимых.

Кирши, наверное, ждал ещё один огненный шар или хлёсткую воздушную плеть и к тому, что Василиса сделала, оказался не готов.

Мощная волна поднялась из озера и, ударив в спину, сбила Кирши с ног. Василиса приготовилась отражать новые атаки, но Кирши не был настроен продолжать бой. Он поднялся с земли, вытер рукавом глаза, и на мгновение его лицо озарила довольная улыбка.

– Неплохо, – кивнул Кирши, быстрым движением руки убирая со лба мокрые волосы. – Ты и правда... необычная.

Поняв, что бой завершён, Василиса упала на траву, пытаясь отдышаться. Боги, давно её так не изводили.

– Необычная? – переспросила она.

– Владеешь несколькими стихиями, – пояснил Кирши. Даже без насмешки.

– И что в этом такого? – не поняла Василиса и приподнялась на локтях, чтобы видеть лицо своего соперника. Как оказалось, он уже сел рядом. Чубасья мать. Этот парень двигается тише призраков!

Кирши странно посмотрел на Василису, будто пытаясь понять, не шутит ли она.

– Что? – приподняла брови чародейка.

– Что в этом такого... – смеясь, повторил Кирши. – Обычно чародей способен владеть только одной из четырёх стихий.

– Нет! – не поверила Василиса.

– Да, – уверенно кивнул Кирши. – Большинство хорошо справляется с водой, она самая материальная из всех, и поэтому ею легче управлять. Реже – воздух. Земля даётся самым терпеливым. А чары огня... Думаю, будь огонь более контролируемым, было бы больше умельцев. Стихии слишком разные, чтобы уживаться в одном чародее. Но тебе как-то удаётся их совмещать.

– Ты удивлён, – с довольным видом улыбнулась Василиса, стараясь скрыть замешательство.

– Да, – Кирши неопределённо качнул головой. – Но не сильно радуйся.

Василиса нахмурилась:

– Почему?

– Такие способности не сулят ничего хорошего, – ответил Кирши и поднялся с земли. Кивнув на прощание, он пошёл прочь.

Василиса молча наблюдала, как он уходит, подбирает катану, кивает на прощание Атли и скрывается за деревьями, оставляя чародейку наедине с мыслями. Не самыми лёгкими мыслями.

Беремир никогда не упоминал, что владеть несколькими стихиями... ненормально. И Василиса так никогда не считала, пользуясь тем, что было ей доступно и давалось с такой лёгкостью. Она всегда ощущала эти стихии частью себя, неотделимой частью. Думала, что и Беремир способен пользоваться всеми. Попыталась вспомнить эпизоды, которые подтвердили бы её правоту, – и не смогла.

Если применение огненных чар Беремир всегда иллюстрировал собственным примером, то занятия по другим стихиям ограничивались лишь демонстрацией поз и пассов. Удивительно, как раньше у неё не возникало вопросов. Но теперь они появились. Почему? Почему Беремир ничего не говорил? Молча тренировал, помогал обуздать то, что обычному чародею было не под силу. Даже ему это было не под силу!

«Не ленись! Ты должна овладеть чарами земли! Или хочешь стать ни на что не годной деревенской ведьмой?» – качал головой он, когда у Василисы в очередной раз ничего не получалось. Единственным достижением в покорении стихии земли стал тот самый росток огурца, жадно обвивший заднюю часть дома. Ни до, ни после Василисе ничего подобного сотворить не удавалось.

Чародейка задумчиво посмотрела на воду. Что ещё учитель от неё скрывал?

4. Старые тайны Беремира

Следующим утром Василису разбудил стук в дверь. Чародейка подскочила в постели. Стук повторился.

– Погодите! – крикнула Василиса, озираясь в поисках одежды.

Выскочила из кровати, кое-как натянула штаны и рубаху. Пятернёй пригладила растрёпанные волосы.

За дверью оказался Атли.

– Доброе утро, – улыбнулся он и заложил руки за спину. – Аргорад хочет тебя видеть. Дать тебе время привести себя в порядок?

– Прямо сейчас? – Василиса не смогла скрыть досады.

– Прямо сейчас, – Атли склонил голову набок, сделавшись похожим на дружелюбного пса.

– Что-то случилось?

– Думаю, будет лучше, если он сам тебе расскажет.

– Ладно. Мне только нужно почистить зубы и причесаться. – Василиса жестом пригласила Атли войти.

– Я подожду снаружи. Спасибо.

Чародейка побежала в ванную комнату. Из зеркала на неё взглянуло взлохмаченное кареглазое нечто, отдалённо напоминающее болотную кикимору[6 - Кикимора – болотный дух, чаще предстаёт в виде безобразной старухи. Утягивает на дно болота неосторожных путников и питается ими. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.]. Рубаха оказалась надета задом наперёд. На щеках расплзались пятна румянца. Василиса скривилась. Да уж. И в таком виде она предстала перед капитаном. Стыд-то какой.

«Сам виноват, что припёрся спозаранку», – проворчал голосок в голове.

Василиса плеснула в лицо холодной водой из таза.

Атли привёл Василису в светлый зал с высокими расписными сводами. Пол был устлан циновками, а посреди зала стоял массивный стол с четырьмя мраморными чашами. Поодаль на циновке лежал Аргорад. Лицо его было накрыто книгой, но длинные волосы и зелёно-золотая мантия выдавали главнокомандующего Гвардией.

– Аргорад, – окликнул его Атли. – Я привёл Василису.

Главнокомандующий встрепенулся. Книга упала на пол, и его глаза сощурились от яркого света.

– Что-то вы долго, – зевнул Аргорад, поднимаясь на ноги. – Впрочем, я успел прочитать потрясающую главу о пустынных гулях. Представляете, эти редкие прекрасные существа...

– Аргорад, – Атли вежливо улыбнулся.

– Ах, да, конечно. Не будем терять время! – хлопнул в ладоши главнокомандующий. – Прошу, Василиса, пройдем к столу. Атли рассказал мне о вашей вчерашней тренировке с Кирши и о том, что ты владеешь несколькими стихиями. Признаться честно, я подозревал, что мы увидим нечто необычное, но... Впрочем, об этом позже. Не будешь ли ты так добра, Василиса, продемонстрировать свои умения?

Аргорад провёл рукой над ёмкостями на столе. В одной были сложены сухие веточки. Вторую наполняла вода. Третью – земля. А в четвёртой лежало гусиное перо.

Василиса начала с простого. Запустила пару искр, и ветки в первой ёмкости вспыхнули. Так, теперь перо. Василиса выдохнула и попыталась почувствовать движение воздуха в зале. Зачерпнула рукой – от бедра к груди. И резко отвернула ладонь от себя. Перо взмыло к самому потолку. Решив покрасоваться, Василиса рассекла пространство ребром ладони снизу вверх, отправляя к перу острое воздушное лезвие. Оно медленно вернулось в ёмкость, разрезанное на две ровные половины.

Василиса метнула в Атли победоносный взгляд. Тот улыбнулся и одобрительно кивнул. Чародейка улыбнулась в ответ. В груди разлилось приятное тепло.

Василиса вернулась к столу. Теперь вода. Чародейка выставила вперёд правую ногу и сделала движение руками, будто управляла вёслами в лодке. Вперёд-назад. Вода пошла волной и закрутилась в шар.

– Это всё. С землёй я обращаться не умею, – сказала Василиса.

– Попробуй, – ответил Аргорад.

На его лице Василиса ожидала увидеть восхищение или любопытство, но обнаружила там лишь беспокойство и напряжение. Минуту назад весёлый и беззаботный, теперь Аргорад хмурился и задумчиво теребил серёжку в ухе.

Василиса протянула руку над ёмкостью с землёй. Обрести полный покой. Отринуть мысли и эмоции. Внутри должно быть тихо. Василиса выдохнула. У неё внутри никогда не было тихо. Тем более сейчас, когда на неё смотрели две пары обеспокоенных глаз.

- Не могу, - Василиса убрала руку. - Ничего не выйдет. Только три стихии. Всегда было три.

- Что ж, - сказал Аргорад без тени улыбки. - Тогда пройдем в мой кабинет.

- Присаживайся, - главнокомандующий указал на софу, а сам расположился за столом. Атли остался стоять у двери. - Слушать придётся долго, к тому же так будет мягче в обморок падать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Анчутка - маленький вредный бес размером с котёнка. Обитают анчутки на болотах и в лесных чащах. Питаются бесенята падалью и мелкой живностью, редко сбиваются в стаи. Людей анчутки избегают, но речь людскую понимают и

любят при случае сквернословить. Отличаются особой трусостью и скудоумием. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства. (Здесь и далее прим. автора.)

2

Чубась – домовый дух-вредитель. Эти маленькие существа, похожие на крыс, селятся в домах, которые покинули духи-защитники. Обитают в погребе и по ночам устраивают мелкие пакости: бьют посуду, прогрызают мешки с зерном, тушат огонь в очаге, кусают за пятки спящих. Страшно боятся котов и солнечного света. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.

3

Чернокнижник – чародей или ведьмак, отринувший учение и поклоняющийся Чернобогу. Чернокнижники практикуют тёмные, запрещённые законом чары и умеют подчинять нечисть своей воле. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.

4

Мавка – умертвие, разумная утопленница, отринувшая Поля Нави. Отличается серой кожей и чёрной, стылой кровью. Мавки питаются всем, что сумеют поймать, не брезгуя и человечинной. Обитают в реках и озёрах, но могут жить и среди людей. – Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.

5

Упырь – разумное и крайне опасное мертвое. Упыри питаются кровью людей и животных. У всех упырей холодные серые глаза. – Казимир Полоз. Духи, мертвия и другая нечисть Вольского царства.

6

Кикимора – болотный дух, чаще предстаёт в виде безобразной старухи. Утягивает на дно болота неосторожных путников и питается ими. – Казимир Полоз. Духи, мертвия и другая нечисть Вольского царства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kondrackaya_elena/u-vorona-dve-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)